

АНГЕЛ
НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ

ТАТЬЯНА
ПОЛЯКОВА

авантюрный **детектив**

Татьяна Полякова

Ангел нового поколения

«ЭКСМО»

2004

Полякова Т. В.

Ангел нового поколения / Т. В. Полякова — «Эксмо», 2004

Что бы Вы подумали, получив по электронной почте послание от Азазеля – ангела смерти? Чья-то дурацкая шутка! Вот и Ульяна Осипова подумала так же. Но когда погибли две ее коллеги, получившие такое же послание, она поняла, что это – увы! – не шутка. Кто-то ловко манипулирует ею, преследуя свои явно недобрые цели. Ульяне пришлось покопаться в истории, узнать о существовании «Пятого Евангелия», увидеть труп человека, замурованного в стене, и... ничуть не приблизиться к разгадке Азазеля. Похоже, что она обречена служить злему духу. И тут появляется ее ангел-хранитель, весьма, кстати, симпатичный молодой человек. Но от этого ситуация запутывается еще больше...

© Полякова Т. В., 2004

© Эксмо, 2004

Содержание

Вечер	5
Три недели назад	7
Вечер	11
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Татьяна Полякова

Ангел нового поколения

*Сын человеческий идет по предназначению, но горе тому человеку,
которым он предается.
(Евангелие от Луки, 22-22)*

Вечер

Я отчетливо помню последний вечер моей прежней жизни. В малейших деталях, точно это было вчера. Помню запах лаванды. Я открыла пузырек с лавандовым маслом, пузырек выскользнул из рук, я успела его подхватить, но несколько капель все равно упало на ковер, этот аромат преследовал меня, я открыла окно, но и легкий ветерок, что надувал тонкую тюлевую занавеску парусом, нес с собой запах лаванды.

Лавандой пахла диванная подушка, когда я устраивалась на диване с книжкой в руках, подогнув под себя ноги и укутавшись пледом. Плед был шерстяным, теплым, в крупную клетку. Его привезла из Болгарии моя бабушка, давно, лет двадцать назад, а может, и больше. Сколько себя помню, он всегда лежал на спинке кресла в гостиной. Он был таким уютным и теперь тоже пах лавандой, как мои пальцы.

Странно, что запах держался так долго. Я боялась, что у меня заболит голова, таким насыщенным, даже одуряющим он казался. Оттого я и распахнула окно, оставив дверь в комнату открытой настежь, занавеска надулась парусом. А запах оставался. Может, дело не в нескольких каплях масла, что пролились на ковер, а в том, что пришла весна? Я вздыхала, разглядывая свои руки, длинные, тонкие пальцы, белую после зимы кожу с тонкой сеточкой вен на тыльной стороне ладони. Когда я держала их рядом с пламенем свечи, ладони казались прозрачными. А сердце вдруг начинало биться с безумной скоростью, и вновь меня мучил этот запах, наполняя грустью и ожиданием. Наверное, потому, что весна – это всегда любовь. Свою я переживала только в мечтах. Долгими длинными вечерами, устроившись в кресле или на диване в своей однокомнатной квартире, закрывала глаза, книга скользила из рук, и я уже видела себя, а не героиню, которой только что сопереживала и над судьбой которой плакала, и это была уже моя судьба. Невероятная встреча, чувства, вдруг вспыхнувшие и захватившие целиком. И вот я бегу, бегу в своих мечтах все дальше и дальше от реальности.

«А вдруг ничего не будет?» – испуганно подумала я, отрываясь от книги и шаря глазами по своей комнате, по бесконечно знакомым вещам, свече в подсвечнике в виде фигуры ангела. Он был деревянным, стареньким, краска давно облупилась, но я любила его и не желала с ним расставаться, почему-то веря, что он приносит удачу.

– А вдруг ничего не будет? – повторила я вслух, но все во мне противилось этой мысли, душа моя кричала: «Будет, будет. Непременно будет». И я вновь погружалась в чужие чувства, и они становились моими.

Я обожала Переса-Реверте. Но в тот вечер, дочитав последнюю страницу его романа, вдруг недовольно нахмурилась. Ах, какие страсти... и какой конец... сплошное разочарование. Обыденно, просто, все как в настоящей жизни. Настоящая жизнь не очень-то привлекала меня в книгах. Настоящая жизнь начиналась в семь утра, когда я поднималась на работу, и длилась до шести вечера, когда я обычно возвращалась домой. Размеренная жизнь, которую вполне можно назвать счастливой. Работа, деньги, перспективы, все это было, но разве это главное в жизни, когда запах лаванды сводит с ума? Вот сейчас распахнется дверь, и войдет он... в реальной жизни не войдет, раз входная дверь заперта, а в моих мечтах – пожалуйста.

Я закрыла глаза и начала придумывать свой конец чужого романа. И тут вдруг свеча погасла, а мой ангел упал на ковер, и его крылья, что держались на серебряном гвоздике, отвалились. При свете настольной лампы я смотрела на закапанный воском ковер, воск густел на глазах и теперь уже не походил на слезы. Ангел без золоченых крыльев взирал на меня укоризненно, и я испугалась. И даже покосилась на дверь, а потом на окно. Дверь и окно были закрыты. Я подняла золотые крылья, прижала их к спине ангела, надавила на серебряный гвоздик. Ангел вновь стал крылатым. Я поправила свечу, но не рискнула ее зажечь. Вместо этого включила верхний свет и прошлась по квартире.

Все как обычно. Если не считать какого-то странного чувства, что за мной наблюдают. На кухне я подошла к окну, выглянула во двор. Половина первого ночи, двор тонет в темноте. Высокая береза почему-то выглядит угрожающе. Голая ветвь как рука голодного, что тянется за подающим, но в этом жесте не мольба, а требование.

Последний вечер той, прежней жизни не был спокойным. Наверное, я что-то предчувствовала и мой ангел пытался предупредить меня, что зло, или Сатана, как их там ни назови, какая разница, если суть одна, уже стоял за спиной, дышал в затылок. Потом, много позже, в больничной палате вспоминая то, что произошло, я попытаюсь понять, что это было: высшая воля или череда случайностей? Просто ли хаотичное сцепление поступков, чужих и моих? И вот происходит то, что происходит? Есть в этом мире неведомый дирижер или мы живем в водовороте совпадений? Вот, я не иду в аптеку, не покупаю но-шпу... и ничего не происходит? В это трудно поверить. Теперь, по крайней мере. Если это случайность, то все-таки неизбежная. И не отправься я тогда в аптеку, тот журнал наверняка попался бы мне на глаза. Кто-нибудь забыл бы его на моем рабочем столе, в кафе на стуле, или бы я его купила, не в силах объяснить самой себе, зачем это делаю. Просто бы купила, просто открыла и увидела...

Но как бы то ни было, за три недели до того последнего вечера моей прежней жизни я пошла в аптеку. И это стало началом моей истории...

Три недели назад

Разумеется, в тот момент я вовсе не подозревала о планах судьбы на мой счет. Я поднялась с постели ровно в семь, дождавшись, когда прозвенит будильник, сердитая и даже несчастная. Накануне мы посидели с друзьями в пивном баре, я пребывала в отличном настроении, съела слишком много соленого, что и неудивительно, когда пьешь пиво. А между тем мне следовало бы придерживаться диеты. Не скажу, что у меня серьезные проблемы с желудком, но иногда он напоминает о себе. Вечер прошел отлично, ближе к двенадцати я оказалась дома и вдруг с грустью подумала, что среди моих многочисленных друзей нет ни одного, кто мог бы стать тем единственным, о котором я мечтала.

Дверь моей квартиры – точно некий пропускной пункт, переход из мира реального в мир мечты. И вот уже нет бесшабашного веселья, громкого смеха, анекдотов, а на плечи, как мой любимый плед в клеточку, опускается печаль.

Я постояла у окна, потом приняла душ и легла спать. Но уснуть мне не удалось. Организм начал мстить за мою беспечность, боль не утихала, и я побрела на кухню принять таблетку но-шпы. Вот тут-то и выяснилось, что баночка пуста. Проклиная себя за расхлябанность, я вернулась в спальню. Часа через два боль вроде бы утихла или я просто привыкла к ней, но я наконец уснула. Под утро я дважды просыпалась, поэтому первое, что значилось в моем плане на сегодняшний день, было посещение аптеки.

Утро началось без привычной чашки кофе. Я торопливо оделась, вышла из дома на двадцать минут раньше обыкновенного, чтобы успеть зайти в аптеку. Та, что была неподалеку от моего дома, открывалась только в девять, и я направилась к остановке. Возле офиса, где я работала, тоже есть аптека.

Троллейбус был переполнен, как всегда в это время, но теперь толпа меня раздражала, может, оттого и боль становилась все сильнее, вызывая еще большее раздражение и досаду. Троллейбус остановился метров за пятьсот до нужной мне остановки: отключили электричество. Гул голосов, всеобщее недовольство, толпа хлынула к двери, и я почувствовала себя щепкой в океане или листком на ветру. Сразу же захотелось выбраться из толпы, отгородиться, обособиться.

Я почти бежала, нервно поглядывая на часы. Аптека была открыта. Две старушки топтались у заветного окошка, долгие вопросы, терпеливые объяснения. Это тоже раздражало. «День не удался», – подумала я, и боль в моем теле тут же ответила: «Не удался, не удался». Чепуха, сейчас выпью но-шпу – и все пройдет. Боль исчезнет, я успею на работу вовремя, а троллейбусы вновь начнут ходить...

Наконец подошла моя очередь. Я купила сразу три баночки но-шпы, решив одну держать дома, другую на работе, а третью носить в сумке, чтобы не попасть впросак, как вчера. Две баночки убрала, а из третьей торопливо высыпала на ладонь две таблетки и быстро проглотила. Ну вот, еще немного терпения...

– Это вы уронили? – раздался голос за спиной, и я повернулась.

Рядом стояла женщина лет сорока. Ее я тоже помню очень хорошо. Строгое лицо, глаза за темными стеклами очков казались сердитыми, хотя голос звучал вежливо, даже ласково. Красивый низкий голос.

– Это вы уронили? – вновь спросила она. Возле моих ног лежал носовой платок.

Мы наклонились одновременно, даже на мгновение коснулись друг друга, из ее рук выскользнул журнал и упал к моим ногам. Женщина первой взяла платок, а я подняла журнал.

– Какой красивый, – сказала она, возвращая мне платок. – Такой жалко потерять. Наверное, очень дорогой...

– Нет, – улыбнулась я. – Обычный платок. Монограмму на нем я вышила сама.

– Да что вы? – Теперь взгляд ее стал изучающим, она словно сомневалась в моих словах. – Моя мама умела вышивать, – сообщила она с грустью. – А я – нет.

Я не знала что ответить, но моего ответа и не ждали. Женщина резко повернула к выходу и почти мгновенно исчезла за стеклянной дверью, и только тогда я сообразила, что все еще держу журнал, прижимаю его локтем левой руки, в которой у меня была сумка, а в правой платок. Я поспешно сунула платок в карман и вышла вслед за женщиной. Я огляделась, чтобы окликнуть ее и вернуть журнал. Но женщины нигде не было. Некоторое время я стояла, выискивая ее взглядом в толпе спешащих людей, потом перевела взгляд на машины, что приткнулись по соседству.

Эта женщина возникла в моей жизни лишь на мгновение. Случайность? Но в тот момент я думала не об этом, я взглянула на часы, на журнал в руке и зашагала к офису. У меня оставалось всего несколько минут, а журнал не кошелек.

Вот так он и оказался в моей сумке. В рабочей суматохе я о журнале, конечно, забыла. А возвращаясь домой, расплачиваясь за проезд, обнаружила его в сумке и принялась листать от нечего делать. Полчаса времени, место возле окна. Журнал выходил в нашем городе и стоил двадцать рублей. Реклама, программа телепередач, театральная афиша... опять реклама... В красной рамке большими буквами «Хочешь узнать свою судьбу?» и веночек в виде сердечек.

Хочу ли я узнать свою судьбу? Я улыбнулась. Может, она совсем рядом – моя судьба? Вон за тем поворотом или в одной из машин, что мелькают за окном? Или в троллейбусе. Может, даже в этом... Я огляделась, присматриваясь к лицам. Молодой мужчина улыбнулся, я тут же уткнулась в журнал. А если это он? Нет. Не хочу. Я нахмурилась. Под веночком из сердечек были телефон и адрес: «Вторая Ямская, 73». Я невольно посмотрела в окно. Еще одна случайность? И да и нет. Конечно, я знала, что троллейбус идет по Второй Ямской, но мне и в голову не приходило обращать внимание на нумерацию домов.

Я повернула голову и увидела пятиэтажку из желтого кирпича. Магазин «Садовод», нотариальная контора, а вот и номер на фасаде – 73. Троллейбус тормозит, и я иду к выходу. Почему я это сделала? Любопытство? Желание подтолкнуть судьбу?

Я направилась к семьдесят третьему дому. Странно, что все остальное память запечатлела плохо. Вход со двора, обычная однокомнатная квартира, женщина лет пятидесяти, она в черном платье с ниткой бус, крупные камни розового цвета, родонит, кажется. Огромный перстень в половину ладони, короткие, пухлые пальцы, толстый слой пудры на лице, румянец. Женщина была похожа на престарелую гейшу. Писклявый голос, настороженный взгляд. Я сразу пожалела, что пришла. Но повернуться и уйти сочла невежливым.

Предсказание стоило шестьсот рублей. Мой бюджет способен вынести такую трату. И я осталась. Мы устроились за стеклянным столом прямоугольной формы, и женщина достала карты Таро из резной шкатулки.

До этого я никогда их не видела. Возможно, поэтому меня так заинтересовала первая выпавшая карта. Она легла на стол, повинувшись плавному жесту пухлой руки. Я стала вглядываться в рисунок: человек подвешен за одну ногу. О значении второй карты догадаться было не трудно: символы смерти, череп, балахон, коса...

Лицо женщины приняло озабоченное выражение.

– Что это? – спросила я и потянулась к первой карте, но моя рука неожиданно замерла, и я осталась сидеть в нелепой позе, глядя на женщину.

– Вам следует быть осторожной, – вздохнула она. – И приготовиться к испытаниям. Все будет хорошо, только надо потерпеть. У вас есть недоброжелатели, – очень тихо продолжила она, голос ее звучал ласково, точно она рассказывала сказку перед сном. – Вы могли умереть, но добрые силы не позволили этому произойти. Смерть заменили двумя годами подвешенного состояния.

– Кто заменил? – мысленно усмехаясь, спросила я.

– Судьба, – просто ответила женщина, пожимая плечами.

Похоже, ей было все равно, верю я или нет. Мне опять захотелось уйти, я не могла припомнить ни одного врага, желающего мне смерти. Если только Марина, она ревновала меня к своему парню. Однако вряд ли она столь кровожадна, тем более что доподлинно знает, как он мне безразличен.

– Что с вами произошло недавно? – спросила женщина. – Авария?

Первая мысль: как она догадалась? На моем лице никаких следов, мне тогда вообще повезло: ни переломов, ни ссадин, ни ушибов. Потом скажут, что я родилась в рубашке. Только бампер машины стал напоминать какой-то экзотический цветок, да помято левое крыло. Через неделю я должна получить машину из ремонта. А вдруг в этих картах что-то есть?

– Авария, – кивнула я под выразительным взглядом женщины.

– Вы могли погибнуть, но этого, слава богу, не случилось. Но ничто не бывает просто так. Теперь вам предстоит два года сомнений, метаний, беспокойства. Помните, их надо просто пережить. А потом все будет хорошо. Видите карту? Вы встретите свою любовь.

– Через два года?

– Нет, раньше. Но из-за вашего состояния вы долго не сможете понять, что человек рядом с вами – ваш избранник. Но когда наконец поймете, станете по-настоящему счастливы. Так говорят карты. А они не лгут.

«Что ж, за шестьсот рублей не так уж и плохо, – подумала я. – По крайней мере, мне обещано счастье». Обещанного, как известно, три года ждут, а она сказала – меньше двух, выходит, мне повезло.

– Вы сомневаетесь? – улыбнулась женщина, понаблюдав за мной.

– Нет, – пожалала я плечами. Я, конечно, сомневалась, но авария не давала мне покоя. Как она догадалась?

– Вы очень романтичны, – заметила женщина. – Вам кажется, что вас тяготит одиночество, но оно вам нравится. Вы любите мечтать, а по-настоящему мечтать можно только в одиночестве. В кресле, с любимой книжкой в руках, когда горят свечи, звучит музыка... Какую музыку вы любите? Вивальди?

– Верди.

– Да-да, Верди, – кивнула она. – Травиата умирает. Белые камелии, жертвенная любовь... Горячий чай, плед в клеточку, и вы впятером...

Мне стало трудно дышать, руки вспотели, и я спросила растерянно:

– Что вы сказали?

– Одиночество впятером, – улыбнулась она. – Это совсем простая загадка. Разве нет?

– Да, наверное, – кивнула я. И потом уже не могла думать ни о чем, кроме этих ее слов. Может быть, вправду загадка совсем простая? Не может она в самом деле знать...

Когда мне было семнадцать лет, я написала стихотворение:

Мы сидим впятером
И плачем над счастьем,
И смеемся над горем.
Мы сидим впятером,
И удача над нами,
И разлука над морем.
Мы сидим впятером,
Перекинемся взглядом
И опять замолчим.
Мы сидим впятером,

Ничего нам не надо,
Никого не хотим.
Мы сидим впятером,
Обсуждаем погоду
И смущенно моргаем.
Мы сидим впятером,
Кипятим к чаю воду
И печаль запиваем.
Мы сидим впятером.
Мы одни во вселенной.
Мы сидим впятером:
Я и стены.

Конечно, она не может знать. Это совпадение, совпадение. Она еще что-то говорила, теперь я уже не могу вспомнить что. Знаю только, что разговор меня увлек и я уже никуда не спешила.

– Когда вы родились? – спросила женщина. – Хотите, я составлю ваш гороскоп? Это вам ничего не будет стоить.

– Почему же...

– Вы мне нравитесь, – сказала она. – Далеко не все, кто приходит сюда, мне нравятся.

Она, не поднимаясь с кресла, подкатила ближе стол на колесиках, раздался щелчок, крышка стола отъехала в сторону, и я увидела экран.

– Компьютер?

– Конечно. Куда сейчас без компьютера? – улыбнулась женщина.

Я пробыла у нее больше двух часов. Я много о себе рассказывала. Как-то так вышло. Никогда до этого я так много не говорила о себе. Звезды подтвердили, что некоторое время я буду пребывать в состоянии нестабильности, а потом... потом счастье, конечно.

В дверь позвонили.

– Извините, – сказала женщина и пошла встречать очередного клиента. А мне вдруг стало стыдно. Я веду себя ужасно глупо. Визит к гадалке – сама по себе глупость, а раскрывать ей душу... Я поторопилась проститься, заплатив положенные шестьсот рублей. Домой я возвращалась пешком, все еще браня себя и даже злясь. Уже возле дома решила, что к моей сегодняшней болтовне стоит отнести как к разговорам в купе со случайным попутчиком. Выбросить из головы и забыть. И я действительно забыла, по крайней мере не вспоминала ни об этой женщине, ни о ее предсказании.

Вечер

Но в тот последний вечер моей прежней жизни я неожиданно вспомнила наш разговор, обвела взглядом свою комнату и улыбнулась.

– Совпадение, – прошептала я, рисуя сердечко на стекле. – Совпадение и ничего больше.

Я перевела взгляд на часы: пора ложиться. Запах лаванды должен навевать романтические сны. Я поставила томик Переса-Реверте на его законное место в шкафу, легла и счастливо закрыла глаза. В одном гадалка безусловно права: мечтать лучше всего в одиночестве.

Утром будильник не зазвонил, села батарейка. Хорошо, что мой внутренний будильник никогда меня не подводил, я открыла глаза ровно в семь. Подождала звонка, удивилась, приподнялась на локте и даже потрясла будильник, который показывал половину четвертого утра. Ненужные движения, которые делаешь автоматически, не думая, а потом досадуя на себя.

– Безобразие, – сказала я, должно быть, адресуясь батарейке, и на носочках прошествовала в ванную. В детстве я мечтала стать балериной. И сейчас иногда я вижу себя Одеттой, огромный зал рукоплещет, а я превращаюсь в прекрасную белую птицу. И вот уже ни зала, ни людского шума, только бесконечный простор неба...

Душ, чашка кофе, бутерброд. Макияж, укладка волос («Я могла бы работать парикмахером», – неизменно думаю я, ловко орудуя щеткой и феном). Ежедневник в сумку, ключи от машины, распахиваю входную дверь.

Дорога на работу, легкая паника, что нет места на стоянке, первое «привет» на входе, кивки направо и налево, улыбки. Обычное утро.

Таким оно было до одиннадцати. В одиннадцать я открыла почтовый ящик и увидела сообщение. Черные буквы во весь экран: «Я на тебя смотрю. Я тебя вижу. Азазель». Я прочитала это не меньше пяти раз, пытаюсь понять, что сие значит. Дурацкий розыгрыш, вот что. Я набрала в грудь воздуха, собираясь высказаться по этому поводу.

– Что за хрень, а? – разнеслось по комнате, разделенной прозрачными перегородками. Опережая меня, кричала Людка Баранова. Крайний слева стол. – Что за придурок послал мне это?

– В чем дело? – в проходе появился Сергей Юрьевич, наш непосредственный начальник.

– Я спрашиваю, кто прислал мне эту гадость? – не унималась Людка.

– Людмила, – теперь голос Сергея Юрьевича звучал укоризненно.

– Придурки... Нет, в самом деле, по-вашему, это смешно?

Она всех заинтриговала, народ потянулся к ее столу, на экране ее компьютера светилась надпись, в точности как у меня: «Я на тебя смотрю. Я тебя вижу. Азазель».

– Чушь какая-то, – нахмурилась Зинаида, глядя на экран. – Работать надо, а не шутки шутить.

– И мне такую же хрень прислали, – ритмично двигая челюстями с неизменной жвачкой во рту, сказала Ольга Лосева.

– И мне, – сказала я. – Только что обнаружила.

– А я еще утром. – Ольга недовольно оглядела коллег.

– Надеюсь, тебе не пришло в голову... – возмутилась Зинаида. Ольга ее перебила:

– Да мне по фигу. Пишет какой-то дурак от безделья. – И она направилась к своему столу.

– А мне вот интересно, что это за дурак, – возвысила голос Людмила.

– Премии за такие шутки лишать надо, – назидательно изрекла Зинаида.

– Да с чего вы взяли, что это кто-то из наших? – возмутился Сергей Юрьевич.

– А кому еще надо? – резонно ответила Людка.

– Отлично, – кивнул он. – Шутник уже слышал, будем лишать премии. А теперь давайте работать.

Все нехотя разбрелись по рабочим местам.

Где-то через час я отправилась обедать. В кафе ко мне подошла Людка.

– Что ты об этом думаешь? – спросила она хмуро, устраиваясь напротив меня за столом.

– О чем? – не поняла я.

– Кто, по-твоему, это написал?

– Понятия не имею. Ольга права: плюнь и забудь. На свете полно идиотов.

– А почему нам троим? Он что-то имел в виду. Нас ведь даже ничего не связывает, если не считать работы.

– Слушай, не забивай себе голову, – перебила я. – Кому-то пришла охота развлечься.

– Конечно. Знаешь, у меня странное чувство. Будто за мной и вправду кто-то наблюдает.

– Не валяй дурака. Из-за чьей-то глупой шутки...

– Да все я понимаю, – отмахнулась Людка, уставившись в угол. Мыслями она ушла далеко отсюда. Голубая жилка на виске заметно пульсировала, руки нервно двигались от салфетки к ножу и обратно. Непрерывное бессмысленное движение, которое выдавало ее волнение. Над верхней губой выступили капельки пота, хотя в кафе работал кондиционер. Взгляд ее был странным, точно она спала с открытыми глазами.

– Эй, – позвала я, но она не повернула головы и не отвела взгляда. Сидела, застыв, лишь руки нервно двигались, будто жили сами по себе, и это почему-то было страшно. Нелепо и страшно. Не спасал ни гул голосов, ни смех, ни улыбки, ни брошенное на ходу «привет», ни солнечный свет, заливавший пространство кафе через огромное окно. Может быть, из-за яркого солнечного света фигура Людмилы казалась скорбной, как статуя на могиле. Отрешенный взгляд, опущенные плечи. Она как будто видела свою судьбу и смирилась с ней. – Мне не нравится твое настроение, – выйдя из оцепенения, сказала я. – В конце концов, не одной тебе прислали эту гадость. Хочешь выясним, кто прислал? Хотя вряд ли... у нас умник на умнике... В общем, пьем кофе и забываем об этой глупости.

– Да, конечно. – Людмила вздохнула и попробовала улыбнуться.

Ближе к концу рабочего дня мне понадобилось сходить в архив. Наш офис находился в огромном девяти-этажном здании, где располагалось множество контор, фирм, редакции двух газет. Кабинеты шли вперемешку, несведущему человеку разобраться было нелегко, оттого стены пестрели надписями и стрелками. Стена напротив наполовину из прозрачного пластика, взгляд терялся в лабиринте больших и маленьких кабинетов. В шахматном порядке офисные лампы, вентиляторы. Отопление еще не отключили, из-за яркого солнца в помещении жарко, и вентиляторы работали вовсю, их ровное монотонное гудение было слышно даже в коридоре. Я подошла к нужной двери, вставила ключ в замок. Ключ не поворачивался. Я, как водится, подергала дверь, чертыхнулась, попробовала еще раз повернуть ключ – с тем же результатом. Проверила ключ, на связке их было пять. Ни один не подошел.

– Да что это такое? – возмутилась я, обращаясь неизвестно к кому. И вдруг поняла, что за спиной у меня кто-то есть. Чувство было неприятное. Хотя по коридору вечно сновал народ, и в том, что кто-то оказался рядом, не было ничего особенного, чувство все равно было тревожное. Я стояла, пялясь на замок, и боялась повернуть голову. А еще прислушивалась. Тишина показалась мне странной. Ровный гул вентиляторов – и все. Ни звука шагов, ни обрывка фраз. Я никогда не думала, что тишина может быть такой давящей. В памяти сразу всплыли слова «Я на тебя смотрю. Я тебя вижу». Я заставила себя повернуться. Жалюзи в кабинете напротив опущены, коридор пуст. – Какая чепуха, – пробормотала я в досаде, но чувство тревоги не проходило. Оно росло, переполняло меня, пока в конце концов мне не захотелось броситься со всех ног по коридору с громким воплем. Я увидела себя точно со стороны. Я бегу, рот открыт в немом крике, звука нет, лишь гул вентиляторов. И я с бледным лицом. Безумие. Нельзя

подаваться нелепому страху. И тут я услышала шаги. Кто-то не торопясь шел по коридору. Но вместо облегчения это вызвало у меня тревогу. Тишина была нарушена, звук испугал еще больше. Я резко повернулась и в то же мгновение услышала:

– Дверь не можешь открыть? – Ко мне шел Паша Завьялов. – Надо слесаря вызывать, заколебала уже.

Он подошел и начал возиться с замком, а я стояла рядом, с трудом сдерживаясь, чтобы не расхохотаться. Все мои страхи яйца выеденного не стоили. Невероятно, просто невероятно, как человек способен напугать сам себя.

– Ну вот, – сказал Павел. Раздался щелчок, и дверь наконец открылась.

– Спасибо, – улыбнулась я.

– Надо Сергею Юрьевичу сказать, пусть замок поменяют.

Он развернулся и пошел по коридору. Я вошла в просторную комнату, заставленную стеллажами. Подумала и закрыла дверь. Потом приперла ее стулом. Мне было смешно и страшно одновременно. Смешно, потому что глупо бояться неизвестно чего, находясь в огромном здании, где работает множество людей. Но, несмотря на доводы разума, страх не проходил, он заставлял меня двигаться быстрее, торопливо просматривать бумаги и постоянно прислушиваться. Страх гнал меня из этой комнаты, мне хотелось оказаться за своим столом, который виделся отсюда островком безопасности. Оттого, найдя нужную бумагу, я припустилась бегом к двери, дернула ручку. Дверь была закрыта. Я покрылась испариной, прежде чем поняла, что просто повернула ручку не в ту сторону. Дверь открылась, я оказалась в коридоре. Я глубоко, с трудом дышала, как ныряльщик после долгого пребывания под водой, когда грудь саднит и кажется, что никогда не сможешь надышаться. А потом приходит покой.

Я медленно шла по коридору, поражаясь тому, что произошло со мной. А что, собственно, произошло? Да ничего. Я просто сама себя запугиваю. Это разговор с Людкой так на меня подействовал. Забыть это дурацкое послание. Что за идиот так пошутил? И почему я решила, что в этих словах заключена угроза? «Я смотрю, и я вижу». Пусть смотрит на здоровье. Я как раз подошла к своему столу, когда зазвонил телефон.

– Привет, – услышала я голос Юльки, секретаря нашего шефа.

Юлька, натура неугомонная и чрезвычайно деятельная, за что бы она ни бралась, все у нее получалось с блеском. К примеру, Юлька с детства была склонна к полноте. В восемнадцать лет это стало для нее настоящей трагедией, она часами изучала глянцевого журналы с фотографиями красоток и сурово хмурилась. «Нет, пышные формы сейчас не в моде», – вынесла она вердикт и решила худеть. Но, в отличие от многочисленных женщин, принявших то же решение, не стала истязать себя диетами, фитнесом, километровыми пробежками, а отправилась к врачу. И тот, вникнув в ее проблемы, посоветовал ей принимать «Ксеникал». По словам специалиста, только эта швейцарская чудо-таблетка могла защитить ее от главной причины избыточного веса – жирной пищи, которую мы так любим трескать ежедневно и в больших количествах.

В тот же день Юлька начала новую жизнь. На мои скептические замечания отвечала веселым «посмотрим», а вскоре скептические замечания мне пришлось оставить. Подружка не только похудела, она вся светилась изнутри, потому что теперь была довольна и собой, и своей внешностью. Парни ей проходу не давали, о чем она с гордостью мне рассказывала.

– Давай встретимся вечером, – сказала она. – У меня для тебя есть новость.

Услышав это, я решила, что меня ожидает история об очередной Юлькиной победе.

– Кого ты сразила на этот раз? Если так пойдет дальше, тебе следует написать благодарственное письмо создателям этого «Ксеникала».

– Зря смеешься. Верка Бельская, не будь дурой, пошла к моему эскулапу, послушала хорошего человека – и что?

– Что?

– Похудела.

– Ни в жизнь не поверю.

– Придется, когда ее увидишь. Вчера ее подвозил какой-то тип на иномарке. Метнулся ей дверь открывать, чуть фонарь не сшиб от усердия, а наша из машины выплыла, точно королева. Но моя суперновость не меня касается и не Верки, а тебя. Хотя, возможно, я опережаю события, но, если честно, не терпится тебе рассказать.

– Так говори, – отозвалась я.

– Не-а, только в торжественной обстановке. Угостишь меня чашкой кофе?

– Легко.

– Вот и славненько. После работы мне надо заскочить к портнихе, перезвоню тебе домой.

– Хорошо, с нетерпением жду твоей новости.

Тут я обратила внимание на плюшевого медвежонка с атласным сердцем в лапах, что прилепился на мониторе компьютера. На сердце большими буквами вышито «Ульяна», между прочим, это мое имя. Я взяла медвежонка и улыбнулась. Скорее всего, подарок от Андрея. Неужели сам вышивал? Имя у меня редкое, так что скорее всего кто-то приложил старания. Я перевела взгляд на Андрея, он с усердием перекладывает бумаги на своем столе, косясь в мою сторону. Я помахала ему рукой и с улыбкой указала на медведя. Он немного замешкался, но кивнул, даже отсюда видно, как он покраснел. Если верить гадалке, то мой избранник рядом, я его просто не разглядела. Надеюсь, что это все-таки не Андрей. Он замечательный, но даже отдаленно не походит на возлюбленного моих грез. Во-первых, Андрей коротышка, ниже меня сантиметра на три, хотя я далеко не манекенщица, во-вторых, он ужасно стеснителен, а мне нравятся решительные мужчины, в-третьих, он невероятный неряха, на что просто невозможно не обратить внимание, если у него свитер вечно в пятнах, а шнурки ботинок постоянно волочатся по полу. Шутники часто на них наступают, когда Андрей идет по проходу, и он без конца спотыкается. В-четвертых и в главных, он мне просто не нравится. Как-то не верилось, что я способна в нем что-то разглядеть.

Однако подарок, безусловно, улучшил мое настроение, направив мысли в совершенно иное русло. Какое-то время я спокойно работала. Потом мне понадобилось в туалет. На лестничной клетке, недалеко от лифтов, где у нас было место для курения, стояла Людка, привалившись к перилам, в компании полной дамы. Чиркала зажигалкой, держа сигарету в левой руке. Взглянула на меня, но ничего не сказала. Я тоже поторопилась пройти мимо, боясь, что если мы заговорим, то вновь вернемся к этому дурацкому посланию. Для одного дня страхов довольно.

Я свернула в коридор и вдруг споткнулась на ровном месте. Ничего особенного, и раньше такое случалось. Но сейчас... кто-то смотрел мне в спину, нет, в затылок. Чужой взгляд буравил череп, причиняя почти физическую боль. Я резко повернулась, коридор был пуст.

– Этого не может быть, – пробормотала я, сама не понимая, что имею в виду. Не может быть, что кто-то действительно наблюдает, или наоборот, не может быть, что никто не смотрит в затылок, раз я это чувствую? А я чувствую: спиной, затылком, всем телом. Холодок по спине, плечи передергивает в ознобе. Может, какая-то из фирм установила видеокамеры? Я пошарила взглядом по потолку, стенам, никаких камер. И вдруг за одной из прозрачных перегородок увидела мужчину. Хотя почему это вдруг? Он имел полное право стоять там. Скорее всего, он находится в собственном кабинете. Жалюзи наполовину спущены, они закрывали его лицо до самого подбородка. Я видела нижнюю часть лица, черный джемпер... Видел ли он меня? Почему-то это сделалось очень важным. Он меня видит? Если жалюзи закрыты неплотно, конечно. Ну и что? Господи, с этим надо что-то делать. Нервы совершенно расшатаны. Неужели дурацкое послание способно довести меня до такого состояния? Или дело даже не в этом? И у меня предчувствие? Предчувствие чего?

И тут мужчина сделал странный жест: провел ребром ладони по своей шее. Даже сейчас, закрывая глаза, я вижу: вот его рука поднимается, а потом медленно-медленно движется поперек шеи, точно в замедленной съемке. А потом жалюзи опустились...

Не помня себя, я бросилась к ближайшей двери. Злость душила меня, злость, отвращение, обида, а главное – желание схватить этого типа за руку и заставить объясниться. Что это значит? Что это значит, черт возьми?

С трудом ориентируясь в хитросплетении чужих кабинетов, я наконец оказалась там, где недавно стоял мужчина. Небольшой коридор, дальше проход к лифтам. Два расшатанных стула, урна, табличка «Место для курения». Я беспомощно огляделась. Развернулась на каблуках, стремительно пошла к двери, из-за которой доносились чьи-то голоса, и едва не столкнулась с девушкой в цветастой блузке с кипой бумаг в руках. Желая избежать столкновения, она резко дернулась и едва не уронила бумаги.

– Извините, – пробормотала я. – Вы здесь работаете? – Вопрос глупый. Конечно, она здесь работает. Что еще она может здесь делать?

– Да, – недовольно произнесла она, приглядываясь ко мне.

– Минуту назад я видела мужчину...

– Где?

– Вот здесь.

– Ну и что?

– Вы... вы не знаете, кто он? – беспомощно произнесла я, кусая губы. Еще один глупый вопрос. Как она может знать, если понятия не имеет, о ком идет речь.

– Тут проходной двор, – ответила она. В лице ее появилась настороженность, теперь она приглядывалась ко мне. Ничего удивительного, я веду себя как сумасшедшая.

– Мужчина в черном свитере, – настойчиво повторила я.

Девушка пожала плечами и тут же спросила:

– А что, собственно, случилось?

В самом деле, что? Ответить правду? Мужчина провел рукой по горлу, а я это видела и теперь ищу его? Она непременно сочтет меня сумасшедшей, и не удивительно, если я сама так думаю.

Она ждала, в ее глазах появилось недоверие, даже настороженность. Надо что-то ответить, и я сказала первое, что пришло в голову:

– Он показался мне знакомым, возможно, он работает у вас. Я работаю в офисе напротив, – сочла необходимым добавить я.

– Я знаю, – кивнула девушка. – Я вас часто вижу. – Она сделала паузу, задумалась. – В черном свитере? Блондин, брюнет? – Вопрос, на который я не могу ответить, но девушка вновь заговорила: – Вряд ли кто из наших. У нас мужиков шесть человек, и все в костюмах. Непременное условие. Наверно, кто-то из клиентов. А потом здесь действительно проходной двор, обходить лень, и в то крыло идут через наш коридор. Хотя коридор, в общем-то, не наш, так что имеют право.

– Спасибо, – пробормотала я.

– Не за что.

Девушка зашагала к лифту, и я поплелась за ней. Ничего меня здесь не задерживало. Ясно, что этого мужчину я не найду. Впрочем, теперь я готова была усомниться в его существовании. Может, и не было никакого мужчины? То есть, конечно, был, просто стоял вот здесь и разглядывал коридор или задумался, ничего не видя вокруг. Я заметила его, и мое воображение довершило остальное. Но перед глазами вновь возник этот его жест. Неужели я сама такое придумала? Не может быть. Девушка уже была возле лифта, а я пошла в свой офис, испытывая неловкость. Девушка, нажав кнопку вызова, смотрела на меня. Я досадливо поморщилась: не стоило задавать глупых вопросов.

Людка все еще курила, теперь уже в одиночестве. Она проводила меня взглядом, когда я прошла мимо. Может быть, я странно выгляжу? Возбужденной, испуганной? Если я расскажу Людке об этом типе... Групповой психоз – да и только.

Медвежонок на моем столе по-прежнему сжимал в лапах сердце с моим именем. Я подмигнула ему, предложив самой себе успокоиться. «Надо выпить кофе», – подумала я, считая, что чашка кофе отвлечет меня от глупых мыслей, и прошла к окну, где у нас стоит кофеварка.

Я как раз наливала кофе в чашку, когда раздался крик. Сначала мне показалось, что это только я слышу его. После сегодняшних событий слуховые галлюцинации несколько бы меня не удивили.

– Что это? – спросила Ольга, поднимая голову от бумаг. – Кто-то кричал?

Чашка в моей левой руке наклонилась, я продолжала наливать кофе в переполненную чашку и поняла это, только когда Ольга окрикнула:

– Уля, ты ж себе всю юбку залила.

И тут в проходе появилась Зинаида. Лицо у нее было растерянное, голос дрожал.

– Людка упала с лестницы.

– О господи, – нахмурилась Ольга. – Сломала что-нибудь?

– Да она в лестничный пролет упала.

– Как это? – испугалась Ольга.

Я стояла не шелохнувшись, по-прежнему держа чашку в левой руке. Я же знала: что-то произойдет. У меня было предчувствие. Точно очнувшись, я поставила чашку на стол. К тому моменту все бросились к лестничной клетке, и я вышла вслед за остальными. К лифтам невозможно было пройти. Из всех офисов высыпали люди, вытягивали шеи, пытаясь что-то разглядеть, вставали на цыпочки, вполголоса переговаривались.

– Что случилось? – спросил кто-то рядом со мной.

– Девушка упала.

– Как упала?

– Не знаю, несчастный случай.

– Она жива? – спросила я.

– Шутишь, – ответила Ольга, вдруг оказавшаяся рядом. – Здесь же седьмой этаж.

Приехала «Скорая», люди стали расходиться по кабинетам. Я подошла к перилам и склонилась, точно над колодцем. Там, внизу, тело уже убрали, но на сером плиточном полу остались пятна крови.

Где-то через полчаса к нам в офис вошли двое молодых людей с целью опросить свидетелей несчастного случая. Но таких попросту не оказалось. Никто ничего толком не мог сказать, потому что в тот момент все находились на своих рабочих местах. Только два кабинета выходят к лифту, из остальных лестничную клетку увидеть невозможно. К тому же двери были закрыты, а у нас, в отличие от соседей, стены самые обыкновенные, а не из прозрачного пластика.

– Как она могла упасть? – решила спросить я молодого человека, который задавал мне вопросы.

– Очень просто. Поскользнулась, потеряла равновесие и перевалилась через перила.

– Поскользнулась?

– А что, с вами такого никогда не бывает?

– Бывает, конечно, и все-таки... это странно, вы не находите? – робко спросила я.

– Знаете, почему говорят «несчастный случай»? – вздохнул он. – Потому что случается. И могу вам по опыту сказать: иногда такое случается... – Он пристально посмотрел на меня, вроде бы пытаясь что-то прочесть на моем лице. Или мне это лишь кажется? У меня дрожали руки, я поймала себя на мысли, что без конца перекладываю медвежонок с места на место.

Руки двигаются, не повинаясь моей воле, двигаются, как у Людмилы сегодня в кафе... Может, стоит рассказать об этом молодому человеку? – Понимаю, – вдруг очень мягко сказал он. – Только что ты видел человека живым – и вдруг... В такое трудно поверить.

– А если это не несчастный случай? – тихо спросила я и откашлялась, потому что мой голос больше походил на хрип.

– Вы думаете, она могла сама прыгнуть? Что, были причины?

– Нет. То есть я не знаю. Мы не были подругами. Конечно, на работе общались, но о личных делах никогда не говорили.

– Тогда почему вы спрашиваете?

– Но ведь ее могли сбросить с лестницы, – собравшись с силами, произнесла я.

– То есть убить? – удивился молодой человек. – За что?

– Я не знаю, – ответила я со вздохом.

– Вот именно. Так что перестаньте фантазировать. Убить, – покачал он головой и усмехнулся. – Детектив, ей-богу. – И пошел прочь, а я направилась к Ольге.

Она стояла возле окна, опершись на подоконник. Лицо ее казалось раздраженным. Она взглянула на часы и поморщилась.

– Как ты думаешь, это надолго? – спросила она меня, когда я оказалась рядом.

– Не знаю.

– У меня свидание. Очень важное. Если через двадцать минут нас не отпустят, я наверняка опоздаю. Вот черт, как не вовремя.

Меня покорило от этих слов. Наверное, что-то отразилось на моем лице, потому что Ольга сказала:

– Мы не были подругами. Конечно, Людку жалко, но это не повод... Извини, что разочаровала, но собственные проблемы меня заботят гораздо больше.

– Ты не рассказала им о послании, которое мы получили? – все-таки спросила я.

– О чем? А... об этой дурацкой шутке. С какой стати?

– Не знаю. Наверное, надо было все-таки рассказать.

– Ну уж нет, хватит этой бодяги, мне сматываться пора.

– Вдруг это важно?

– Что? По-твоему, Людка разбилась потому, что какой-то дурак написал эту хрень? Ты что, спятила? Да это ни в одни ворота не лезет.

– Боюсь, все гораздо серьезнее. За несколько минут до того, как все это случилось, я видела мужчину. И он сделал вот так. – Я продемонстрировала жест.

– Что за мужчина? – нахмурилась Ольга, с недоумением глядя на меня.

– Он стоял в коридоре напротив. – Я торопливо рассказала о том, что видела.

– А тебе не померещилось? Вы с Людкой чересчур впечатлительные. Знаешь, за что тебя наше начальство любит? Ты – творческая натура, фантазия бьет ключом. На работе это, может, и неплохо, а вот в таком деле... не вздумай рассказать кому-нибудь. Засмеют. Ты сейчас похожа на бабку, которая сидит у подъезда и пересказывает страшилки.

– А если это важно?

– Допустим, парень действительно провел ладонью по горлу и тебе это не померещилось, в чем я очень сомневаюсь. Но тогда труповозка должна была увезти тебя. А ты, слава богу, жива-здоровая.

– Но... – Я пыталась найти слова, чувствуя, как глупо прозвучит то, что я пытаюсь сказать. – Мы втроем получили это послание. И Люда погибла. Что, если...

– Следующей будешь ты? – усмехнулась Ольга. – С какой стати кому-то убивать нас? Ничего глупее мне слышать не приходилось.

– Да, конечно, – проямлила я. – Наверное, мне в самом деле показалось. Это все нервы.

Я сделала шаг в направлении своего стола. Я знала, что Ольга, скорее всего, права, но почему-то находиться рядом с ней мне стало тягостно и даже неприятно. Ольга схватила меня за руку.

– Извини. Я тоже нервничаю. Сегодня у меня свидание, которого я ждала три месяца. Понимаешь? Выбрось все это из головы... Ты что, боишься? – помедлив, спросила она, глядя на меня.

– Нет. Наверное, нет, – ответила я поспешно, отводя взгляд. – Не знаю. Чувствую себя как-то... странно. Тревожно, что ли. В архиве подперла дверь стулом. Представляешь? – Я засмеялась, скорее от неловкости, но смех у меня вышел каким-то неестественным, и я досадливо поморщилась. Ольга крепче стиснула мою руку, быстро огляделась и приблизила лицо к моему лицу.

– Я вот что подумала. Возможно, кто-то вполне сознательно треплет нам нервы. Сергей Юрьевич идет на повышение. Кто-то из нас займет его место. Прикинь, у кого больше шансов?

– Ты думаешь? – растерялась я. Такой поворот событий мне даже в голову не приходил.

– Думаю, думаю, – пробормотала Ольга сквозь зубы. – У Людки критический возраст... был. Ей это место нужно было до зарезу.

– Но ведь она тоже получила сообщение...

– Ага. Могла это дурацкое сообщение нарочно отправить, чтобы на нее не подумали. Она ведь хитрая баба и особой порядочностью, кстати, никогда не страдала. Но судьба ее перехитрила. Поскользнулась девка на ровном месте... Ну, что ты смотришь? – нахмурилась она, отстраняясь. – Опять фантазии поперли? Думаешь, может, это я ее? Так я, как и ты, за своим столом сидела.

– Но зачем ей все это, скажи на милость?

– Занервничала, начнем делать глупости, авось сорвемся... ей это на руку. Вот она на тебя страху и нагоняла. И мне пробовала вешать лапшу на уши... Впрочем, может, я это зря... О покойниках плохо не говорят, – вздохнула Ольга и, резко развернувшись, направилась к окну.

Я вернулась к своему столу. Теперь я почти была уверена, что должна рассказать милиции о послании, что мы получили. Но что-то удерживало меня, и я продолжала сидеть на своем рабочем месте, пялясь в монитор с погасшим экраном и пытаясь оценить слова Ольги. Могло в ее догадках что-то быть? «Возможно», – точно прошептали мне на ухо. Я даже оглянулась. Разумеется, никто ничего не шептал. Всего лишь мой внутренний голос. Но теперь его присутствие стало ощутимо почти физически. Это тоже было странным. В тот день все казалось странным и пугающим, даже собственные мысли.

Допустим, Ольга права. Сергей Юрьевич действительно идет на повышение, и кандидатов на его место несколько. Среди них могли быть и я, и Ольга, и Людмила. Но с таким же успехом Нина Львовна, к примеру. Начальству также ничто не мешает пригласить человека со стороны. Сергей Юрьевич о своем переходе на новую должность нас в известность еще не поставил, но слухи, вполне обоснованные, до нас докатились. Возможно, кто-то, опережая события... опережая события, можно начать интриговать. Стараться почаще попадаться на глаза начальству, улучшить показатели. Но посылать дурацкие послания... глупость несусветная. А что не глупость? Кто-то пугает всерьез? А смысл? Избавиться от потенциального конкурента? У Сергея Юрьевича очень приличная зарплата. О такой многие могут лишь мечтать. Плюс открывающиеся перспективы. Может это послужить поводом для грязной игры? Послать Ольгу – вполне.

Людмилу здесь особо не жаловали. Если быть откровенной, не любили, считая особой склочной, способной под горячую руку сказать гадость, наябедничать начальству. В общем, грехи у нее были, хотя профессионал она хороший и у начальства могли быть на нее виды. И она все это затеяла, чтобы?... А парень в коридоре? Неужто он мне привиделся? А что, если это

кто-то из знакомых Людки? Специально явился, чтобы придать нашим страхам некую достоверность?

Чисто физически выполнить это не трудно, у нас здесь действительно проходной двор: с десятков фирм и контор, и это лишь на седьмом этаже. Человек может довольно долго бродить по коридорам, пока на него хоть кто-то обратит внимание.

Предположим, Людка меня ему показала, а он, дождавшись, когда я буду одна... Нет, это никуда не годится. Я не могу поверить, что она все это придумала, а потом случайно упала с лестницы. А во что я могу поверить? Что ее убили?

От этой мысли спина у меня похолодела от страха. Убили? Кто, за что? Но ведь не из-за желанного места начальника отдела? О ее личной жизни я понятия не имею, могло быть в ней что-то... Одно несомненно: Людмилу испугало это послание. А если она просто делала вид, что напугана? Если делала вид, значит, послание – ее затея, а смерть – случайность. А если послание испугало ее по-настоящему, значит, оно никакого отношения к ее личной жизни не имеет, раз, кроме Людмилы, его получили еще двое. Значит, ее, как и меня, напугала чья-то глупая шутка. И нет никакого убийства. Но этот парень в коридоре...

– Ты домой не собираешься? – тронула меня за плечо Нина Львовна. Я с удивлением огляделась и обнаружила, что мы остались вдвоем. Нина Львовна пристально посмотрела на меня. – Да... ужасное несчастье, – произнесла она тихо и поджала губы. – Постарайся не принимать чересчур близко к сердцу, – помедлив, вздохнула она. – Тут уж ничего не поправишь.

Нина Львовна ждала меня возле двери, я вышла, и она заперла дверь на ключ. Ключи мы сдавали на вахту на первом этаже. Раньше я об этом не думала, а сейчас мне вдруг пришло в голову, что попасть в любой из кабинетов легче легкого. Ночью в огромном здании только два охранника, которым, наверное, положено время от времени совершать обход и проверять помещения. Только делают ли они это, еще вопрос. При желании любой, кто умеет обращаться с отмычкой, запросто войдет в кабинет. В кабинете начальства, кажется, есть сигнализация, у нас она точно отсутствует. Да и что здесь можно взять? Компьютеры? Впрочем, для кого-то и это хорошая пожива.

– Ты думаешь о ней? – помолчав немного, спросила Нина Львовна, когда мы спускались в лифте.

– Что? Нет. То есть да. Я... – Дыхание у меня перехватило, наверное, все-таки от волнения, и сердце забилося так, точно я смотрела в бездонное ущелье. Все-таки странно, что мне стоило такого труда решиться сказать Нине Львовне о своих сомнениях. – Я думаю об этом послании, – сказала я и сразу пожалела об этом.

– О чем? – нахмурилась Нина Львовна. Мы как раз выходили из лифта, она вышла первой, остановилась и с недоумением взглянула на меня.

– Помните, утром... Мы получили компьютерные письма... – По выражению ее лица стало ясно: она не в состоянии понять, о чем я. – Людмила еще возмущалась...

– А-а-а... шутка получилась весьма неудачной. Думаю, шутнику сейчас очень стыдно... – Она вновь притормозила и взглянула на меня как-то иначе. С сомнением, что ли. – Хотя... в письме ведь не содержалось никакой угрозы.

– Азazelь – ангел смерти, – заметила я. Нина Львовна отдала ключи и расписалась в журнале.

– Да-да, конечно.

Мы направились к стеклянным дверям. При нашем приближении они бесшумно открылись.

– Но ведь это глупость. Я имею в виду – какой тут ангел смерти, когда двадцать первый век на дворе. Все эти библейские штучки... Как твоя машина? – спросила Нина Львовна.

– На днях получила из ремонта.

– Влетело в копеечку?

– Влетело. Но ведь могло быть и хуже.

– Это конечно. – Она внимательно посмотрела на меня, как будто видела впервые. – Хочешь, поедem ко мне? Выпьем чаю.

– Спасибо. Сегодня ко мне подруга придет в гости, – поспешно ответила я, сообразив, что ее приглашение продиктовано просто желанием отвлечь меня от горьких мыслей. – Я думаю, мы поступили неправильно, не рассказав милиции об этих письмах.

– Ульяна, да ты с ума сошла, – ахнула Нина Львовна. – Ну какое отношение к этим письмам имеет... Ты что, боишься? – нахмурилась она. – Боишься, что... Милая моя, я уверена, все это полнейшая чушь. Я тебя умоляю, не забивай голову ерундой. Ты у нас натура чересчур впечатлительная, а то, что произошло, – несчастный случай... Ты ведь видела Людмилу буквально за несколько минут до трагедии... Бедная моя девочка. Успокойся. Сходи куда-нибудь с подругой. Может быть, все-таки ко мне заедem? Мои сегодня явятся поздно. Если хочешь, можешь остаться ночевать у меня.

– Спасибо. Не беспокойтесь. Наверное, я действительно слишком много думала об этих письмах.

– Выброси все из головы, – наставительно изрекла Нина Львовна. – И не вздумай рассказывать об этом в милиции. Зачем? Они сочтут это ерундой, а ты... не стоит забивать себе голову.

– Да, конечно, – пробормотала я.

– До свидания, – кивнула Нина Львовна. – И запомни: выброси эту чушь из головы. И никакой милиции.

«А что, если письмо написала она? – подумала я, садясь в свою машину. – Нина Львовна вполне могла рассчитывать на место начальника отдела и теперь боится, что если милиция начнет выяснять, кто отослал письмо, подозрения падут на нее. Подозрения в чем? В убийстве? Так не было никакого убийства. Несчастный случай. Пространство между перилами широкое, там слон пролетит, не только человек, а перила не так уж и высоки. Мне доходят до пояса. Людка сантиметров на семь выше меня, плюс высоченные каблукИ, которые она так любит... любила», – поправила я саму себя, подъезжая к дому.

Войдя в квартиру, я села на диван, не снимая пальто, потеряла лицо руками. Конечно, она могла упасть. Действительно, поскользнулась на каблукИх и упала. Она ведь стояла, привалившись спиной к перилам, то есть не спиной, конечно, раз перила не доставали до спины. Я вдруг совершенно отчетливо увидела эту картину и едва не закричала от ужаса, потому что на мгновение мне показалось, что это не Людмила, а я лечу в лестничный пролет с высоты седьмого этажа.

– Господи, – прошептала я и вновь потеряла лицо руками. – Надо как-то прекращать все это... Я стану неврастеничкой, вот чего я добьюсь...

Когда я пошла в архИв, Людмила стояла на лестничной клетке с какой-то женщиной из другой фирмы. Потом я увидела парня. А когда возвращалась, на лестнице Людмила была одна. С того места, где я увидела парня, до лифтов несколько метров, до ЛюдкИ чуть больше. Вызвал лифт, столкнул ее... Не о письмах я должна рассказать в милиции, а об этом парне, которого видела в коридоре. В коридоре, а не на лестнице. Но я не могу быть уверенной, что он пошел в сторону лифта. Я ни в чем не могу быть уверенной. К примеру, мужчина провел по шее рукой, прикидывая, стоит ли побриться. А я, под впечатлением письма и разговора с ЛюдмИлой, увидела в этом жесте нечто угрожающее...

Зазвонил телефон. Уйдя в свои думы, я вздрогнула от неожиданности. А потом испугалась. Смотрела на телефон и боялась поднять трубку. Потом вспомнила, что мне хотела позвонить Юлька. Услышав ее голос, я с облегчением вздохнула, как будто убереглась от большой опасности.

– Слушай, я не смогу заглянуть к тебе сегодня, мы тут с Вовкой... А хочешь, приезжай к нам. Мы в «Кристалле».

– Спасибо за предложение. Я собиралась заняться уборкой, – поспешно ответила я.

– Да? Ну ладно. Ты давно пришла с работы?

– Только что.

– Менты задержали? У нас они тоже были, но я быстренько слиняла. От нас до лестницы далеко. Людка мне никогда особо не нравилась, но все равно ужас... Грохнуться с такой высоты... бр-рр...

– Ты о чем поговорить-то хотела? – поспешила я сменить тему.

– Поговорить? А-а... о тебе, конечно. Слышала, как мой шеф беседовал с вашим Юричем, интересовался, кого, мол, тот видит на своем месте. Ты ведь знаешь, что его повышают. Ну, тот в ответ, кандидатура, мол, на его взгляд, только одна. Отгадай, чья?

– Не хочу отгадывать. Просто скажи.

– Настроение дохлое? Понимаю. Короче, он тебя рекомендовал. И шеф покивал, мол, вполне-вполне. Так что жди повышения. Надеюсь, теперь настроение у тебя улучшилось?

– Да. Спасибо.

– Не слышу радости в голосе.

– Но ведь меня еще не назначили, – поторопилась отговориться я.

– Конечно, лучше об этом пока помалкивать, чтоб не сглазить. Ну, давай. Целую.

Мы простились. Я и в самом деле пробовала заняться уборкой, но вскоре поймала себя на мысли, что то и дело поглядываю в сторону своего кабинета. Кабинетом я гордо именovala бывшую кладовку, в просторечии именуемую «темнушкой». Я ухитрилась впихнуть туда стол, на который водрузила компьютер, повесила на стену три полки, осталось место для кресла на колесиках, настольной лампы и металлического стеллажа для дисков. Однако и таким кабинетом я была довольна, квартира маленькая, однокомнатная, спальня одновременно являлась гостиной, так что закуток для компьютерного стола оказался весьма кстати.

Некоторое время я пробовала бороться с искушением, но потом подумала, что лучший способ избавиться от искушения – уступить ему. Я устроилась в кресле, включила компьютер и набрала пароль. Сердце вдруг забилося с такой силой, точно я бегом поднялась по лестнице на двенадцатый этаж. Во рту пересохло, и дышала я с трудом. Закрыла глаза и попыталась успокоиться. «Нет никаких оснований считать, что Людмила погибла не случайно», – напомнила я себе. Меня расстроил разговор с ней, я испугалась, и мое воображение услужливо довершило остальное. Это только мои фантазии. Фантазии – и ничего больше. «В вашем ящике нет новых сообщений», – прочитала я и щелкнула мышью под словом «входящие». Утреннего послания в моей почте не оказалось. С полминуты я пялилась в монитор, пытаясь сообразить, могла ли я стереть сообщение? Возможно, и стерла, в том состоянии, в котором я пребывала сегодня, не удивительно забыть об этом. Обратный адрес я помнила прекрасно, потому что, проверяя корреспонденцию, удивилась, от кого оно могло прийти? Адресат «Аза» был мне неизвестен. Теперь ясно, что это сокращенное от «Азазель». Я напечатала адрес и задумалась. Что я хочу ему сказать? Ему или ей... неважно что, лишь бы убедиться, что Азазель существует, то есть не Азазель, конечно, а человек, подписавшийся этим именем. «Ты видишь, и что?» – быстро напечатала я. «Ваше письмо отправлено», – появилась надпись на мониторе. Значит, адрес существует.

Ответили мне почти мгновенно, точно человек с нетерпением ждал моего письма. «А ты еще не поняла?» – обнаружила я встречный вопрос. «Что тебе надо?» – набрала я, испытывая крайне неприятное чувство: мне вновь показалось, что кто-то наблюдает за мной. Я резко оттолкнулась от стола и вместе с креслом очутилась в комнате. Привычные вещи действовали на меня успокаивающе. Я вздохнула, растерянно оглядываясь. Он или она не задержались с ответом. Он был лаконичен: «Твою душу». На этот раз я не испугалась, скорее разозлилась.

Кто-то затеял гнусную игру, сознательно меня запугивая. И это вовсе не Людмила, в чем пыталась убедить меня Ольга, Людмила погибла и шутить, хорошо или скверно, не может. Но в одном я теперь не сомневалась: Ольга, скорее всего, права, и запугивание как-то связано с моим предполагаемым повышением. А что, если это Ольга и есть? Лучший способ отвести от себя подозрение – вести себя как пострадавшая, то есть одна из жертв. Она же сама говорила, что Людмила написала себе письмо, чтобы ее не заподозрили в этой скверной шутке. А если не Людмила, а именно Ольга?

Вновь мелькнула мысль, что смерть Людмилы не случайна, но я прогнала ее. Это несчастный случай. А с шутником, кто бы им ни был, я разберусь.

Может, есть смысл обратиться в милицию? Когда человек пишет, что ему нужна твоя душа, это больше похоже на запугивание, чем на глупую шутку. Только вряд ли в милиции будут заниматься подобными пустяками. Мои страхи никому не интересны.

Я выключила компьютер и прошла по квартире. Уборка перестала меня интересовать. Я постояла возле окна, выпила чаю, невольно возвращаясь мыслями к человеку, написавшему письмо. Что он надеется выиграть, запугав меня? Занять мое место. Допустим. Не очень-то я жажду получить повышение, то есть я не против, но ведь не такой ценой. Но для кого-то повышение очень важно. Настолько важно, что человек решился... А если я ошибаюсь и шутнику наплевать на кадровые перестановки? Тогда он просто псих. Человек, назвавший себя Азazelь... Я не очень-то сильна в Священном Писании, но вот Булгакова читала и точно помнила, что Азazelь – злой дух пустыни, ангел смерти (правда, это имя у Булгакова дано на итальянский лад – Азazelло), следовательно, «я хочу твою душу» можно понять лишь в одном смысле «я хочу твоей смерти». О господи! Я вновь подумала о Людмиле и ее странной гибели. Вернулась к компьютеру, набрала «Азazelь» и щелкнула мышью. «Азazelь, – вскоре прочитала я, – в представлениях иудаизма – демоничное существо. В Библии Азazelь упоминается в связи с описанием ритуала «дня искупления», в этот день грехи народа перелagались на двух козлов, один из которых предназначался в искупительную жертву Яхве, а другого отводили в пустыню, где обитал Азazelь, злой дух пустыни. Другой источник сообщал, что «козла отпущения» как раз и называли Азazelь. Представление о пустыне как жилище демонического начала есть и в Новом Завете: рассказ об искушении Иисуса Христа дьяволом. И в житиях святых, где монахи, избравшие пустынные места для духовного подвига, также искушаемы дьяволом».

Покопавшись еще немного, я узнала, что в «книге Еноха» Азazelь выступает как падший ангел, совратитель человечества, научивший мужчин войне и мастерству оружейника, а женщин блудным искусствам раскрашивания лица и вытравливания плода. Ангелы вступали в связь с дочерьми человечества, в чем тоже вина Азazelь, и от этих связей рождались исполины, которых и вдохновил на мятеж против Бога Азazelь, за что был скован архангелом Рафаилом. После Страшного Суда он будет брошен в огонь. В талмудической литературе Азazelь иногда отождествляется с Сатаной».

Вот так. И какое все это имеет отношение ко мне? Решив довести начатое до конца, я отыскала «книгу Еноха» и прочитала то место, где говорилось об Азазеле.

Разумеется, ясности это не внесло. Я подняла голову и, взглянув на часы, убедилась, что они показывают второй час ночи. Мне давно пора ложиться спать, а я трачу время на какую-то ерунду. Я вдруг почувствовала досаду и даже разозлилась на себя. Нина Львовна права: какой Азazelь в двадцать первом веке? Вера в подобную чушь намекает на душевное нездоровье.

Через полчаса я уже была в постели, уснула почти мгновенно и спала без сновидений.

На работе все разговоры только и были о вчерашнем несчастном случае. Этим я и объяснила свое несколько нервное состояние. Я как будто чего-то ждала. Возможно, очередного послания. Когда все ушли на обед, я подошла к столу Людмилы и проверила ее почтовый ящик. Письмо от Азазеля исчезло. Впрочем, его могла стереть сама Людмила. Я не удержалась

и проверила почтовый ящик Ольги. Я сидела за ее столом, и меня била нервная дрожь. Теперь я понимала, что чувствуют шпионы, сующие свой нос в чужие секреты. Послание от Азазеля отсутствовало, что меня не удивило. Зачем Ольге его оставлять, тем более что она, в отличие от меня, ничуть не сомневалась, что прислал его кто-то из коллег, обеспокоенных грядущей перестановкой кадров в компании. Я быстро проверила ее почту, то и дело косясь на дверь. Если кто-то заметит меня за чужим столом, придется объясняться, а Ольга решит, что я и есть таинственный отправитель. Но мои подозрения на ее счет требовалось проверить, оттого я и рискнула. В ее почте не было ничего особенного. Обычная деловая переписка.

Я поспешно выключила компьютер и отправилась обедать. В здании было три кафе, но я предпочитала пиццерию через дорогу.

Покинув здание, я дошла до угла и тут заметила Ольгу, она сидела возле окна в баре «Сова». Увидев меня, помахала рукой, предлагая присоединиться. Я вошла в бар и направилась к ней. Ольга сидела за столом не одна. Симпатичная девушка улыбнулась мне, а Ольга сказала:

– Знакомьтесь, это моя подруга Анастасия Довгань. А это Ульяна Осипова. Мы с ней вместе работаем.

– Очень приятно, – кивнула я.

– Присаживайся, – пригласила Ольга. С некоторым удивлением я заметила на столе водку «Довгань». – У Анастасии сегодня день рождения. Мы давно не виделись, а по такому поводу грех не выпить. Присоединяйся.

– Я не большой любитель водки, – пожала я плечами.

– А это водка особая. Дамская. Хотя и крепкая, но вкус мягкий и пахнет приятно. А что за запах такой нежный? – обратилась она к Анастасии.

– Это настой яблок и винограда, который добавляют в воду, – ответила та.

– Вот... – кивнула Ольга. – Выпить в разумных количествах – одно удовольствие.

Я подозвала официантку, сделала заказ, а Ольга разлила водку по рюмкам и улыбнулась.

– Мы теперь только ее и пьем с легкой руки Анастасии. Что ж, твое здоровье, подруга.

Мы выпили.

– Понравилась? – спросила Анастасия, я кивнула. – Очень рада.

– Не удивляйся, – сказала Ольга. – Анастасия имеет к этой водке самое непосредственное отношение. Это ее рецепт, точнее, ее предков. У ее прадедушки было поместье на юге России, с собственной винокурней. Один из напитков очень полюбился дамам, поэтому водку называли «Дамская легкая». Пьется легко и без утренних похмельных мучений. Анастасия нашла рецепт в архивах деда. Вот и появилась водка «Довгань Дамская».

– Довгань – фамилия известная, – пожала я плечами, Анастасия нахмурилась.

– К нам этот человек никакого отношения не имеет. Что ж, мне пора, – поднимаясь, сказала она и поцеловала Ольгу. – Увидимся вечером.

– Я ее не обидела? – спросила я.

– Нет, что ты. История почти детективная. Некий предприимчивый однофамилец, заполучив старинные рецепты, использовал дворянское имя в своих интересах. Заметь, все рецепты, кроме «Дамской». Его нашла в архивах Анастасия, как я уже сказала, и восстановила историческую справедливость. А незадачливому предпринимателю ничего не осталось, как продать свой бизнес... Как дела? – вдруг спросила Ольга и посмотрела на меня как-то странно, оценивающе, что ли. Может быть, от нее все же не укрылся мой интерес к ее компьютеру, хотя вряд ли, обедать она ушла рано.

– Нормально, – пожала я плечами, чувствуя, что веду себя немного неестественно. «Знаешь за собой грех, вот и нервничаешь», – недовольно подумала я.

– Да? – Ольга взглянула на меня исподлобья, мой ответ, казалось, ее удивил. Или разочаровал. Она вертела пустую рюмку и явно о чем-то думала. Наверное, о малоприятном, потому

что на ее переносице появилась складка, она все больше хмурилась, вроде бы не замечая этого. – И... и ничего такого? – Ее слова повисли в воздухе.

Мы смотрели друг на друга, я с недоумением, она скорее с недовольством, только вот я не знала, чему приписать это ее недовольство: моему непониманию или досаде на то, что она задала этот вопрос.

Она ждала моего ответа, и чем дольше я молчала, тем настороженнее она становилась.

– У меня... беспокойно на душе, – наконец смогла сказать я. – Вчера весь вечер думала о Людмиле.

Ольга кивнула, но настороженность не исчезла из ее глаз. Она вновь заговорила, чувствовалось, что слова она подбирает с трудом и далеко не все ей нравятся.

– Я не думаю, что это ты. Мне кажется, ты на такое не способна. Возможно, я ошибаюсь. И ты просто умело пудришь всем мозги. Интеллигентная, милая девушка, добрая, готовая прийти на помощь. Ты ведь запросто можешь прикидываться. – Она начала злиться, кусала губы, уставившись мне в глаза. Это было неприятно, но я уговаривала себя быть терпеливой. Ясно, Ольга что-то беспокоит. Возможно, произошло еще что-то, о чем я не знаю.

Ольга неожиданно замолчала, и теперь пришла моя очередь подбирать слова.

– Если ты имеешь в виду эти письма, то я их не писала. И я понятия не имею, кто их мог написать. Я хочу получить повышение, но мне и в голову не придет действовать подобным образом.

– Это какой-то извращенец, – почти выкрикнула Ольга. Хорошо, что в людском гомоне на это мало кто обратил внимание, к тому же она сразу понизила голос.

– Ты получила еще одно письмо? – осторожно спросила я, почему-то сомневаясь, что она ответит правду. На этот раз она молчала довольно долго, я не знала, стоит ли повторить вопрос или лучше прекратить разговор. Когда я уже решила, что вопрос повторять не стоит, она вдруг заговорила.

– Нет. Но... Слушай, – она подалась ко мне, но смотрела не на меня, а куда-то выше моего плеча. Это почему-то пугало. – Мне кажется, за мной следят. Вчера я возвращалась домой и слышала чьи-то шаги. Кто-то шел за мной. Я достала газовый баллончик, на всякий случай, но... никого не было. Я слышала шаги, но никого не видела.

– Ты просто испугалась, – вздохнула я и тут же вспомнила свои ощущения. Несмотря на абсурдность происходящего, я очень хорошо понимала, что она имеет в виду. Разве не те же страхи преследовали меня со вчерашнего утра?

– Возможно, – кивнула Ольга. – Совсем недавно я говорила себе то же самое. Но я... слышала голос.

– Что? – спросила я чересчур поспешно, получилось это у меня как-то испуганно. Ольга закусил губу и даже покраснела от досады.

– Смешно? Мне тоже смешно. Реальные глюки.

– Но... но что ты слышала?

– Азель, – помедлив, ответила она.

– Азель?

– Да. Просто Азель. И ничего больше. Как будто кто-то звал из темноты. Я ночевала у мамы. Боялась оставаться в квартире одна. Представляешь? – Она усмехнулась, а потом даже попробовала засмеяться, но быстро оставила эти попытки и вновь заговорила серьезно: – Я всю жизнь потешалась над всякой чертовщиной, а теперь готова поверить...

– Во что поверить? – робко спросила я.

– Что в самом деле... вдруг это существует? Что-то неподвластное нашему разуму?

– Ты вчера сама говорила, кто-то собирается занять место Сергея Юрьевича...

– Говорила, – перебила она и поморщилась, как будто я напомнила о чем-то постыдном. – А если все сложнее?

– Но ведь ты не думаешь... – начала я, но тут к нашему столу подошла Нина Львовна, и мы, не сговариваясь, замолчали.

– У вас вид заговорщиков, – заявила она, устраиваясь на свободном стуле. – Обсуждаете вчерашнее? Мне всю ночь кошмары снились. Я думаю, чем скорее мы забудем эту печальную историю, тем будет лучше для всех нас.

«Она только что появилась в баре, – подумала я, – хотя из офиса ушла одной из первых. Она сюда часто заглядывает или увидела нас в окно и решила присоединиться?» Похоже, это меня действительно занимало, я становлюсь подозрительной. Нина Львовна могла зайти в аптеку, сходить в магазин, просто выйти на улицу подышать воздухом. Если так пойдет и дальше, я начну пугаться собственной тени.

Я поспешила закончить обед, в офис мы вернулись вместе с Ниной Львовной, Ольга ушла раньше. В тот день мы с ней больше не разговаривали, хотя еще раз оставались наедине. Но она избегала смотреть в мою сторону, и я не решилась к ней обратиться.

На следующее утро Ольга ждала меня у входа в здание, стояла у самых дверей, нервно оглядываясь. Заметив меня, торопливо пошла навстречу.

– Привет, – сказала она, поравнявшись со мной, быстро огляделась и взяла меня за руку. Я ожидала, что она скажет еще что-то, но она замолчала, просто шла рядом, и я не задавала вопросов, хотя мне не терпелось узнать причину такого ее поведения.

Мы торопливо пересекли огромный холл. В кабине лифта нас было четверо, я подумала, вряд ли Ольга заговорит при посторонних.

– Как прошел день рождения? – спросила я, чтобы разрядить обстановку.

– Отлично, – ответила Ольга, чувствовалось, что эта тема ее не занимает.

Накануне вечером я отправилась в кино, домой вернулась поздно и сразу же легла спать, запретив себе даже смотреть в сторону компьютера. Утром выпила кофе и только раз вспомнила о письме, порадовавшись, что оно вроде бы перестало волновать меня. Но стоило мне увидеть Ольгу, как все изменилось. Я почувствовала беспокойство, ожидание становилось невыносимым, я уже повернулась к ней, намереваясь задать свой вопрос, но тут лифт остановился, мы вышли и оказались одни в длинном коридоре.

– Ты получила письмо? – шепотом спросила Ольга, быстро оглядываясь. Я заметила, как странно она шла, втянув голову в плечи и без конца оглядываясь. То теребила волосы, то терла подбородок – беспокойные нервные движения, вряд ли она сознавала, что делает.

– Письмо? – спросила я, приглядываясь к ней. – Ты получила письмо?

– Да. А ты нет? – Она замерла и с недоверием смотрела на меня. Или со страхом? Я покачала головой.

– Нет. Что было в письме?

– То же, что и в прошлый раз. «Я на тебя смотрю. Я тебя вижу». И подпись «Азazelь». Полная чушь. Странно, что это так действует. Знаешь, о чем я подумала сегодня: я становлюсь шизофреничкой. Все принимает какое-то особое значение. Чье-то слово, просто жест... Кто бы ни был этот шутник, но он мастер. Пойдем покурим? – предложила она.

– Я не курю.

– Да, конечно. Я помню. Просто постой рядом.

Я взглянула в сторону лестничной клетки, где в последний раз видела Людмилу, и невольно поежилась.

– Нет.

– Ты что, боишься? – быстро спросила Ольга. – Боишься, что Людка... что она не просто так упала?

– Мне не нравится это место. И в этом нет ничего удивительного, раз там погиб человек.

– Ты просто боишься, – зашептала она, вновь хватая меня за руку. – Слушай, я вчера пошарила в Интернете. Этот Азазель... только не думай, что я спятила. Впрочем, я и сама начинаю думать, что спятила. Знаешь, кто-то был в моей квартире.

– Что? – не поняла я.

– Кто-то был в моей квартире, – прошептала Ольга, отпустила руку и сделала шаг назад.

– Ты кого-то видела?

– Нет. Но там кто-то был. Кто-то перевернул фотографию на моем столе.

– Она могла упасть. Или ты сама ее перевернула.

– Да-да. Конечно. Всему есть простое объяснение. Никакой мистики. Я сама перевернула фотографию. Вчера я целый вечер твердила это. А утром получила письмо.

– Ну и что? – вздохнула я. Чувствовалось, что Ольга испытывает огромное напряжение, а еще страх, и я не знала, что ей сказать, чтобы успокоить.

– Ты ведь тоже им интересовалась? Ты знаешь, кто он?

– Азазель? Мифологическое существо. То, чего нет. Как, например, нет домовых, леших, Бабы Яги.

– Ужасно смешно, – покачала головой Ольга и повторила: – Ужасно смешно. Я не верю в Бабу Ягу, но почему-то поверила в Азазеля. Чепуха. Нет, хуже. Идиотизм. Я никому этого не говорила: два года назад я сделала аборт. Срок был большой. Я даже узнала пол ребенка. Девочка. – Она замолчала, я с недоумением смотрела на нее, не в силах понять причину этой внезапной откровенности. Зачем мне знать все это? И тут Ольга заговорила вновь: – Как думаешь, это может быть связано?

– С чем? – растерялась я, поймав себя на мысли, что Ольга действительно похожа на сумасшедшую: говорит загадками, смысл которых мне недоступен.

– Ты читала о нем. Читала? Он научил женщин красить лицо и вытравливать плод.

– О господи, – пробормотала я, наконец-то поняв причину ее волнения. – Допустим, кто-то узнал об этом. Но ведь аборт – это не преступление.

– По законам – да. Но это страшный грех. А за грехом следует расплата. Что, если...

– Замолчи, – перебила я. – Неужели ты не понимаешь? Ты сама пугаешь себя. Тебе просто пришло письмо. Загадочное. На самом деле глупое. Все остальное ты придумала сама и продолжаешь придумывать. Я никогда не делала аборт, но этот Азазель и мне написал. Я думаю, шутником надо заняться всерьез.

Я не могла понять, произвели впечатление мои слова или нет. Ольга смотрела на меня так, точно видела впервые. Мимо проходили люди, кое-кто из наших с удивлением поглядывал на нас, должно быть, пытаясь понять, по какой причине мы стоим у лифтов, мешая движению, и не спешим в офис, хотя до официального начала рабочего дня осталась минута.

– Ты сегодня проверяла почту? – резко спросила Ольга. – Может, письмо все-таки есть.

Я вздохнула, сокрушаясь из-за ее упрямства и вместе с тем отлично понимая, как нелегко избавиться от собственных страхов, и пошла в офис. Ольга проследовала за мной к моему столу и терпеливо ждала, пока я включу компьютер и проверю почту. Писем было несколько, но ни одного с подписью «Азазель». Ольга молча развернулась и направилась к своему рабочему месту.

Мы с ней усердно избегали общества друг друга, я – потому что ее страх невольно передавался мне, отчего она – не знаю. Иногда я наблюдала за ней. Она казалась вполне спокойной. Несколько раз даже улыбалась, с кем-то разговаривая по телефону. На обед я пошла, когда она уже вернулась из кафе, чтобы случайно не встретиться с ней. Где-то около пяти, подняв голову, я вдруг обнаружила Ольгу возле своего стола.

– Письма не было? – спросила она.

Ничего не отвечая, я проверила почту. Взглянув на монитор, Ольга ушла. Когда я вновь подняла голову, на рабочем месте ее не было. Из сотрудников остались лишь я, Нина Львовна и

Сергей Юрьевич, который, насвистывая, что-то искал в ящиках громоздкого шкафа, стоящего возле двери.

– Девочки, – позвал он, – рабочий день давно закончился. Я ценю ваш трудовой порыв, но...

– Я задержусь еще на полчаса, – не поднимая головы от бумаг, ответила Нина Львовна.

– Ну, как знаете. А я, пожалуй, пойду. – Он с грохотом задвинул ящик, бросил ключ в пустой цветочный горшок на подоконнике, который мы использовали для хранения всяких мелких предметов, и пошел к выходу. Я тоже стала собираться. Я не любила оставлять на столе беспорядок, и на уборку у меня ушло довольно много времени. Когда я покинула офис, Сергея Юрьевича возле лифтов уже не было.

А меня поразила тишина. Коридор был пуст, из-за дверей не доносилось ни звука. Время позднее, сотрудники давно покинули здание. Сейчас на всех этажах от силы с десятков сотрудников. Я сделала несколько шагов по коридору, хотя намеревалась идти к лифту. Что меня заставило так поступить? Предчувствие? Возможно. Помню только, что в тот момент я вовсе ни о чем не думала, просто шла по коридору, вслушиваясь в тишину. А потом раздался этот странный звук. Быстрая дробь. Будто кто-то отбивал ритм пальцами по стеклу. И в тот же миг я почувствовала: кто-то на меня смотрит. Я даже успела подумать, что этот кто-то насмешливо улыбается. Резко повернула голову и увидела его. Лицо, как и в прошлый раз, скрыли жалюзи. Темный свитер. И этот жест. Медленно, точно испытывая мое терпение, человек провел ребром ладони по горлу. На мгновение я замерла, глядя на него и еще не веря, что все это происходит в реальности. Так же медленно он отступил в глубь комнаты, а я, точно очнувшись, бросилась к лифту, куда, как я помнила, вел коридор. Но стеклянная дверь была закрыта, что не удивительно, раз сотрудники покинули офис. Я вернулась назад, бегом достигла двери с надписью ООО «Альтаир», но она тоже оказалась заперта. Я нажала кнопку звонка. Тишина коридора была нарушена, но в офисе не появилось никакого намека на движение. Однако я была уверена, что мужчина все еще там. Я вернулась к лифту, спустилась на первый этаж. Охранник устроился в кресле неподалеку от входной двери, второй сидел за высокой стойкой. Должно быть, что-то было в моем лице: испуг, недоумение, один из них, заметив меня, сразу поднялся навстречу.

– Там, на седьмом этаже, в «Альтаире» какой-то мужчина, – скороговоркой произнесла я.

– Проверь, там кто-то остался? – обратился охранник к коллеге. Через полминуты тот хмуро ответил:

– Никого там быть не должно. Все ключи сдали.

– Оставайтесь здесь, – сказал охранник и пошел к лифту.

Тип, которого я видела, не сможет покинуть здание. Впрочем, почему не сможет? Я работаю здесь три года и до сих пор плохо ориентируюсь в хитросплетении коридоров. В этом огромном здании наверняка есть еще выходы. Или нет? Охрана должна знать. Прошло минут двадцать. Я сидела в кресле, напряженно вслушиваясь в тишину.

Заработал лифт, я ожидала увидеть охранника, а увидела, как к стойке подходит Нина Львовна. Она сдала ключи, расписалась в журнале и только тогда заметила меня.

– Ты чего здесь? – спросила она с удивлением. Я не знала, что ответить. В какой-то миг мне показалось, что правда прозвучит невероятно глупо. Но отвечать ничего не пришлось, вслед за Ниной Львовной в холле появился охранник.

– Там никого нет, – косясь на меня, сказал он. – Я проверил весь этаж. Вам показалось, – обращаясь ко мне, добавил он, точно извиняясь.

– Возможно, – поспешно кивнула я. – Извините. – И пошла к выходу. Нина Львовна шла рядом.

– Ты на машине? – спросила она, приглядываясь ко мне.

– Да.

– Из-за этого происшествия мы все немного нервничаем.

Я решила ничего не отвечать на это замечание.

До стоянки мы дошли молча и здесь простились. Оказавшись в машине, я некоторое время сидела, уставившись в окно. У меня нет причин не верить охраннику. Он осмотрел весь этаж и ничего не заметил. Но своим глазам не верить я тоже не могу. Там кто-то был. Я его видела. Он покинул офис или где-то спрятался. За двадцать минут немисливо проверить все кабинеты на этаже, а ему ничего не мешало спуститься или подняться на другой этаж. У него могут быть ключи не только от кабинетов, которые занимает «Альтаир». «Могут, конечно, могут», – усмехнулась я, вопрос в другом: зачем кому-то оставаться в пустом офисе, прятаться от охраны? Просто чтобы напугать меня? Чепуха. Кому и зачем это надо? «Азазель», – прошепестело в мозгу, точно кто-то подкрался сзади и шепнул имя мне на ухо.

– Массовый психоз, – закусив губу, покачала я головой. – Сначала Людмила, потом Ольга, теперь и я начинаю трястись от страха. Но Ольга ничего не говорила о том, что ее посещают видения. Она якобы слышала шаги и чей-то голос, но никого не видела. Выходит, формы психоза у нас все же разные.

Я завела машину и медленно выехала со стоянки, поймав себя на мысли, что тревожно оглядываюсь, высматриваю в толпе людей на тротуаре парня в черном свитере. Как, интересно, я надеюсь его узнать, если ни разу не видела его лица?

Я свернула на светофоре и вскоре тормозила возле торгового центра. Поход по магазинам должен отвлечь меня от дурных мыслей. Я вошла в торговый центр и свернула в ближайший отдел. Покупать я ничего не планировала, но не спеша обходила отдел за отделом. «Это похоже на бегство, – с грустью подумала я. – Я боюсь возвращаться домой и боюсь собственных мыслей».

Внезапно я увидела в витрине за своей спиной силуэт мужчины в темной ветровке и с трудом сдержалась, чтобы не закричать. «Здесь кругом люди», – напомнила я себе. Мужчина разглядывал выставленные в витрине украшения и не обращал на меня внимания. Я попятилась от него, а потом почти побежала к выходу.

В кафетерии выпила кофе и вроде смогла успокоиться. «Все, что происходит, происходит в моем воображении, – помешивая ложкой кофе, думала я. – На самом деле ничего нет. То есть я придаю происходящему совершенно другое значение. Я его видела, – саму себя перебивая, с тоской подумала я. – Он там был. Он был там, когда погибла Людмила. И сегодня опять...» Поверить в это – значит, скоро оказаться в клинике для душевнобольных. Надо ехать домой, заниматься привычными делами, а не забивать голову чепухой.

Через полчаса я была дома. Приготовила ужин, устроилась в кресле с книгой. Встала, задернула шторы на окне. Включила свет во всей квартире, даже в туалете. Несколько раз прошла от входной двери до окна напротив. Я боялась. Я не знаю, чего я боялась, но страх не давал расслабиться, думать о привычных вещах. Я торопливо придвинула телефон, позвонила знакомому, с которым никогда больше не собиралась встречаться, и через полчаса он ждал меня в кафе. Мы поужинали, затем он проводил меня домой и с моего молчаливого согласия поднялся в квартиру. Я не хотела, чтобы он оставался, но еще больше не хотела оставаться одна. Позднее, когда он уснул, я думала о том, какая я идиотка, что позволила нашим отношениям зайти так далеко, злилась на себя, на него и уж точно ничего не боялась.

Утром я усиленно изображала хорошее настроение. В конце концов Дима ни в чем не виноват: ни в моих страхах, ни в отсутствии у меня чувств к нему, то есть чувства были, симпатия, к примеру, но он ждал от меня другого. Раскаяние заставляло меня растягивать губы в улыбке и прятать взгляд.

– Отвезешь меня на работу? – спросил Дима.

– Конечно, – ответила я. Нам было по пути.

Возле офиса, где он работал, мы простились. Все мои силы ушли на то, чтобы придумать правдоподобное объяснение, почему мы в ближайшее время не сможем увидеться. Хороша же я буду, если сегодня вечером сама позвоню ему. Я качала головой и вздыхала, размышляя над этим.

Подъезжая к месту работы, я поймала себя на том, что высматриваю Ольгу. Ее машины на стоянке я не заметила, возможно, она еще не приехала, я сегодня оказалась у офиса довольно рано.

Заняв место за своим рабочим столом, я проверила почту. Ничего необычного. Признаться, это меня удивило. По неведомой причине я пребывала в страшном напряжении, хотя правильнее было бы назвать это ожиданием. Стрелки показывали девять часов, а Ольга так и не появилась. У нее могла быть назначена встреча. Правда, начальство мы предупреждали заранее, опоздания не приветствовались, и на опоздавших смотрели косо.

– Здравствуй, Ульяна, – подошел ко мне Сергей Юрьевич.

– Доброе утро, – отозвалась я, не удержалась и спросила: – У Ольги сегодня встреча?

По тому, как он перевел взгляд на ее стол и нахмурился, я угадала ответ раньше, чем он произнес:

– Мне об этом ничего не известно.

Он пошел дальше, а я досадливо поморщилась. Что, если Ольга просто опоздала? А я, обратив на это внимание Сергея Юрьевича, подвела ее? Прошло полчаса, потом час. Ольга не появилась. Когда Сергей Юрьевич вновь оказался в досягаемой близости, я спросила:

– Ольга не звонила?

– Нет. – Он задумался, пожал плечами. – Странно.

В самом деле странно, в случае болезни сотрудники незамедлительно сообщали о том, что не выйдут на работу.

– Кто-нибудь знает, что с Ольгой? – не выдержала я.

– Что, до сих пор не пришла? – отозвалась Нина Львовна.

– Кажется, у нее встреча, – крикнула Аня Куликова, потому что находилась довольно далеко.

– Это точно? – не унималась я.

– Ну... она что-то говорила вчера... если заболела, так сообщит.

Прошел еще час.

– У кого есть номер ее мобильного? – громко спросила я.

– У Сергея Юрьевича, – ответила Нина Львовна, глядя на меня с беспокойством. – По крайней мере должен быть.

Она решительно направилась к кабинету начальника. Вернулась минут через пять.

– Дома ее нет, сработал автоответчик. Скорее всего, действительно встреча. Вот номер ее мобильного. Она не отвечает.

Я кивнула и набрала номер, сверяясь с цифрами на бумажке, которую положила на стол Нина Львовна. «Аппарат вызываемого абонента выключен». Маловероятно, что Ольга отключила мобильный. Хотя, возможно, встреча представляется ей исключительно важной, и она в самом деле выключила телефон, чтобы не помешали разговору.

В течение следующего часа я звонила еще дважды. Нервозность моя росла. Я готова была бросить все и бежать на поиски Ольги, если бы представляла, где она может находиться. Тут в нашей комнате, разделенной перегородками, появился Сергей Юрьевич.

– Девчонки, – сказал он неуверенно. Все подняли головы от документов и уставились на него. Аня и Нина Львовна быстро переглянулись.

– Наконец-то, – зашептала за моей спиной Зинаида. – Сейчас поведает, что нас покидает. Может, скажет, кого назначат?

По тому, с каким интересом все смотрели на Сергея Юрьевича, стало ясно: не одна Зинаида так думает. Но почему-то я была уверена, что нас ожидает другое известие. Сергей Юрьевич выглядел растерянным и даже подавленным. С таким выражением лица не сообщают, что уходят на долгожданное повышение.

– У нас... даже не знаю, как сказать... В общем, с Ольгой Лосевой несчастье...

В наступившей тишине кто-то выронил папку с бумагами, листы разлетелись по проходу. Я напряженно наблюдала за ними, пока последний лист не опустился чуть в стороне, и тогда смысл сказанного дошел до меня.

– Что с ней? – громко спросила я, все дружно повернулись в мою сторону.

– Авария... не справилась с управлением.

– Где она сейчас? – вновь спросила я. – В больнице?

Сергей Юрьевич кашлянул, точно стыдясь того, что собирался сообщить.

– В морге, девочки. Вот такие у нас дела, – развел он руками.

Я сидела не шелохнувшись, все еще сжимая авторучку в правой руке, левая лежала на столе. Кажется, ничто на свете не способно заставить меня сменить позу. У меня просто нет сил сделать малейшее движение. «Только не говори, что ты удивлена, – с каким-то извращенным удовлетворением подумала я. – С самого утра ты ожидала чего-то подобного... Нет, не с утра. Со вчерашнего вечера, когда вновь увидела того парня. Азazelь, злой дух пустыни. Вестник несчастья. Я думала, что беда грозит мне, а погибла Ольга. Случайно погибла? Что это за случайность, о которой некто знает заранее?»

– О господи! – воскликнула Нина Львовна, и этот возглас привел меня в чувство.

Остаток рабочего дня все только и обсуждали эту новость. Два несчастных случая подряд, не слишком ли много? Я пошла в кафетерий выпить чаю, раз все равно невозможно сосредоточиться на работе, вскоре там появилась Юлька.

– Слышала новость? – спросила она, подсаживаясь ко мне.

– Слышала.

– Не могу поверить. Подробностей никто не знает. Сегодня мать Ольги позвонила шефу и сообщила о ее гибели. – Юлька нервно ерзала, присматриваясь ко мне.

– Думаю, мне надо идти в милицию.

– Зачем? – удивилась она, что, в свою очередь, удивило меня.

– Рассказать о письмах, которые мы получили.

– Письма-то здесь при чем? Слушай, не надо никакой милиции, – перешла она на шепот, тревожно оглядываясь.

– Понимаю, тебе эти письма кажутся ерундой, – кивнула я. – Но...

– Да не в этом дело, – перебила Юлька. – Произошел несчастный случай, то есть целых два несчастных случая. И очень хорошо, что в милиции так решили.

– Что-то я тебя не пойму, – растерялась я.

– А если им придет в голову, что несчастный случай кто-то подстроил? Кто, по-твоему, первый попадет под подозрение? Начнется следствие... – Я смотрела на нее, не понимая, куда она клонит. – Что ж ты такая бестолковая, – вздохнула Юлька. – Шеф рассматривал кандидатуры трех человек на место вашего Юрьевича. Твою, Людкину и Ольгину. Теперь двое погибли. Что, по-твоему, решат в милиции?

– Да ты спятила, – с трудом оправившись от услышанного, пробормотала я.

– Ничего подобного. Я-то как раз рассуждаю здраво. Если им понадобится козел отпущения, они легко его найдут, стоит лишь переговорить с шефом. Я-то тебя хорошо знаю, а вот менты нет. Задолбают вопросами. Где вы были вчера в восемь часов вечера?

– Она погибла в восемь? – спросила я.

– Не знаю я, когда она погибла.

– Я вчера весь вечер провела с парнем.

– Рада, что у тебя есть алиби, – хмыкнула Юлька. – Не смотри на меня так. Я вовсе не думаю, что ты имеешь какое-то отношение к несчастным случаям. Но люди могут решить иначе. На фига тебе неприятности? Шеф завтра подпишет приказ...

– Юлька, – сказала я.

– Ну...

– Ты веришь, что кто-то мог...

– Я даже думать об этом не хочу, потому что тогда выходит, что где-то рядом бродит псих, к тому же убийца. Все начнут подозревать всех. И выйдет палата № 6, а не трудовой коллектив. Нам же здесь работать.

– Скажи, кто-то в самом деле... – начала я, тщательно подбирая слова. – Кто-то действительно думает, что я...

– Если только законченный идиот. А вдруг один такой отыщется в милиции? Ты ведь не считаешь, что Ольгу убили? – приглядываясь ко мне, спросила Юлька.

– Убить можно по-разному. Можно испортить тормоза в машине, а можно довести человека до такого состояния, что он сам в столб въедет.

– Вот-вот. Скажи это ментам, и тут такое начнется...

– Я знаю, что после гибели Людмилы Ольга здорово нервничала. И боялась.

– Чего?

– Азазеля, – поморщилась я, прекрасно понимая, как глупо это звучит.

– Я и говорю, палата № 6. Слушай, ты что, тоже боишься? – вдруг озарило ее. – Ты боишься, что... ведь и ты получила письмо.

Я не знала, что ответить. Я боюсь, потому что меня преследует злой дух? Это серьезный повод обратиться к психиатру. Я боюсь человека, который называет себя Азазель? Допустим. Только вот с какой стати неведомому мне человеку желать моей смерти? Когда я произнесла это вслух, получилось еще глупее.

– Да-а, – покачала головой Юлька. – Просто не знаю, что сказать на это. Допустим, кто-то имеет виды на место Сергея Юрьевича и сознательно доводит людей до такого состояния. Кто это может быть?

Я пожала плечами.

– Я даже не уверена, что это имеет отношение к работе.

– Ну, милая... тогда я не знаю, что и думать.

– Можешь узнать фамилию парня, что расспрашивал нас о Людмиле?

– Без проблем. Позвоню в отделение. Только не говори потом, что я тебя не предупредила...

– Узнай побыстрее. Я хочу пораньше уйти с работы.

Через полчаса Юлька положила на мой стол лист бумаги.

– Борисов Олег Михайлович, – прочитала я.

– Это тут неподалеку, – сказала она. – На Тимирязева. Хочешь, пойду с тобой?

– Пошли, – пожала я плечами. Но идти мне пришлось одной. Шеф, по словам Юльки, завалил ее работой.

Улица Тимирязева действительно находилась неподалеку от нашего офиса. Я не была уверена, что застану Олега Михайловича, и потому волновалась. Впрочем, причин для волнения было более чем достаточно. Мысль о том, что кто-то может решить, будто я причастна к происходящему, откровенно меня пугала, но я-то знала, что это не так. Собственные доводы казались несерьезными, а история, которую я собиралась рассказать, попросту нелепой.

Я была готова свернуть на полдороге, но еще сильнее во мне было желание все рассказать. На мгновение замешкавшись, я с тяжелым сердцем вошла в здание. У дежурного узнала, где

найти Борисова. В кабинете он был один, разбирал бумаги, сидя за столом, лицо его казалось усталым, и я вдруг испугалась. Зря я сюда пришла, он не будет меня слушать. И не сбежишь теперь.

– Здравствуйте, – робко сказала я.

Он поднял голову и неожиданно улыбнулся.

– Здравствуйте. Проходите. Ульяна, кажется?

– Вы меня помните? – удивилась я и тут же испугалась, с чего это ему меня помнить?

Или Юлька права: меня действительно подозревают?

– Еще бы не помнить такую красивую девушку. И имя у вас редкое. Вы тогда были очень расстроены, иначе бы заметили, что своей красотой сразили меня наповал.

– Вы шутите, – нерешительно улыбнулась я.

– Нет. Присаживайтесь. Одну минутку. – Он вскочил. – Лучше на этот стул. Тот расшатанный, на нем сидеть неудобно. Ну, вот... Слушаю вас очень внимательно.

– Я... я пришла поговорить с вами.

– Хорошо, – кивнул он. Кажется, ситуация его забавляла.

Я пригляделась к нему. Он прав, в прошлую нашу встречу я была так потрясена гибелью Людмилы, что его лицо не осталось у меня в памяти, теперь я точно впервые видела его. Симпатичный молодой человек лет двадцати семи. Обручальное кольцо на пальце отсутствует. Впрочем, это ничего не значит. Хотя... возможно, я действительно вызываю у него симпатию, и у меня появляется надежда, что он хотя бы выслушает меня. Выслушать он обязан. Молчание затягивалось, я почувствовала еще большую неловкость, вздохнула и сказала:

– Вы, наверное, знаете. Еще одна девушка погибла.

– Какая девушка? – не понял он. – Что, кто-то еще упал с лестницы?

– Нет. Разбилась на машине. Ольга, Ольга Лосева. Так вы не знаете? – Ясно, что не знает.

А может, притворяется?

– Девушка работала вместе с вами?

– Да. И вчера она разбилась.

– Вы думаете, это как-то связано? – вкрадчиво спросил он, а я опять испугалась.

– Довольно странно: два человека, которые вместе работают, погибают в течение двух дней.

– К сожалению, несчастные случаи не такая уж редкость. Но ведь есть еще что-то, что вас насторожило?

– Так вам рассказали?

– О чем?

Я вздохнула, сообразив, что мы очень долго будем задавать вопросы друг другу.

– В тот день мы получили электронные письма. Абсолютно одинаковые...

Он слушал не перебивая, смотрел на меня, хмурился, а я, начав рассказывать, почувствовала облегчение. И мой рассказ вовсе не казался мне глупым, а доводы, которые я приводила, были убедительны, по крайней мере для меня самой. Я очень надеялась, что для него тоже.

– Что ж, – когда я замолчала, произнес он, выдержав паузу. – Впечатляет. Кто-то запугивает людей, они теряют контроль над собой и гибнут. А предполагаемая причина, по которой некто это делает, место начальника отдела. Все правильно?

– Причина вам кажется незначительной?

– У нас вчера мужика убили. Стукнули по голове обрезком железной трубы. Знаете, что не поделили? Ворованную куртку. Говорите, оклад у начальника приличный? Вполне могли убить. Вы посидите здесь немного, я сейчас.

Он вышел из комнаты, а я осталась рассматривать стены, облезлый стол, сейф в углу, полку, заваленную папками. Кабинет выглядел поразительно унылым, но мне не хотелось его покидать.

Олег Михайлович отсутствовал довольно долго. Я терпеливо ждала, разглядывая уже знакомые предметы, дверь открылась, он вошел, улыбнулся и устроился за столом.

– Лосева Ольга Леонидовна, вчера в 23.25, находясь в состоянии алкогольного опьянения, не справилась с управлением... Скорость была километров сто двадцать – сто тридцать, немудрено не справиться, да еще в состоянии опьянения.

– Вы считаете, я все придумала? Начиталась детективов и...

– А вы любите детективы? – улыбнулся он. Ему хотелось разрядить обстановку, но вместо благодарности у меня это вызвало досаду.

– Иногда читаю. Редко.

– Успокойтесь. Я вам верю.

Признаться, я растерялась. Смотрела на него, не зная, что на это сказать.

– Девушка была напугана, выпила, чтобы снять напряжение. Потом решила, что ничего страшного не произойдет, если она сядет за руль. Возможно, кто-то именно на это и рассчитывал.

– Значит, вы будете искать этого человека? – боясь поверить в удачу, спросила я.

– Ульяна... как вас по отчеству?

– Можно без отчества.

– Отлично. Тогда я тоже просто Олег. Так вот, у нас нет никакого основания считать, что эти происшествия не являются несчастным случаем.

– Даже после того, что я вам рассказала?

– Вы ведь сами говорите, что были напуганы и даже согласны с тем, что молодой человек...

– Плод моего воображения, – усмехнулась я. – Ничего подобного...

– Поверьте мне, для моего начальства одних ваших слов мало. Я вот что подумал. Если следовать вашей логике, этот Азazel обязан себя проявить. Может, нам повезет, и мы найдем шутника.

– Мы?

– Ага. Хотите, буду вас охранять в свободное от основной работы время?

– Не хочу, – ответила я, поднимаясь.

– Я серьезно, – вроде бы обиделся он. – Вам будет спокойнее.

– Мне уже гораздо спокойнее. Теперь я буду знать, что, если завтра мне случайно упадет на голову кирпич, вас это, возможно, заинтересует.

– Ну зачем вы так, – вроде бы огорчился Олег Михайлович.

Наверное, он действительно испытывал ко мне симпатию и даже не прочь был помочь, но при этом считал, что меня мучают глупые страхи. Две женщины погибают одна за другой, и в вещах обычных или случайных мне видится чей-то злой умысел. Ах, как бы я хотела, чтобы Олег оказался прав. Сама я уже не сомневалась в том, что злой умысел существует.

– Я провожу вас, – предложил Олег. – Рабочий день у меня закончился, а нам по пути.

– Откуда вы знаете?

– Уверен. Где бы вы ни жили, нам все равно по пути.

Он сумел меня рассмешить.

– Я на машине, – улыбнулась я. – Так что могу вас подвезти.

– Вот здорово.

Конечно, нам оказалось не по пути, но я отвезла его домой, по дороге мы даже заглянули в бар, где выпили по чашке кофе и перешли на «ты». Я чувствовала, что тема подозрительных несчастных случаев не очень-то его занимает, он предпочел бы поговорить о чем угодно, лишь бы не о предполагаемых убийствах, и это было понятно. Я тоже говорила о них без удовольствия. Я боялась впасть в панику и стать беспомощной. Пока я способна рассуждать здраво,

пока я способна держать себя в руках, я... что? Тешу себя надеждой, что справлюсь с ситуацией?

– Ульяна, – позвал Олег, касаясь моей руки. – Может, не стоит так переживать? Я верю, что у тебя есть основания... но ведь это действительно может быть совпадением.

– Да-да, конечно, – кивнула я.

На следующий день Олег появился в нашем офисе. Его приход вызвал недоумение у сотрудников, из чего я заключила: вряд ли кто из них связывает между собой два несчастных случая. Вопросы, которые задавал Олег, казались им по меньшей мере странными.

– Парень интересовался, намечались ли у нас кадровые перестановки, – с едва скрытой усмешкой рассказывала Нина Львовна, когда мы обедали в кафе. – Скажи на милость, при чем здесь кадровые перестановки? И зачем вообще эти вопросы? В милиции как будто сомневаются, что это несчастный случай?

Олег своим поведением не дал людям повода думать, что мы встречались помимо этих стен, на беседу со мной потратил столько же времени, что и на других, был подчеркнуто вежлив и обращался по имени-отчеству. Так что вопрос Нины Львовны меня немного удивил. Почему она решила, что мне известно больше, чем другим? Или ничего она не решала, а просто болтает за обедом? В другое время болтала бы о погоде, а сейчас на уме у всех гибель девушек. Похоже, я становлюсь чересчур подозрительной, в самых обычных словах мне видятся скрытые намеки.

– Откуда же мне знать? – ответила я резче, чем мне бы хотелось.

– Ну, вы дружите с Юлькой. Может, начальству что-то известно?

– О чем? Что может знать начальство о несчастных случаях?

– Этот парень здесь появился не зря, – перешла она на шепот. – С какой это стати ему тратить свое время, если дело выведенного яйца не стоит?

– Не нам судить, что должна делать милиция в таких случаях, – ответила я, стараясь дать понять, что тема меня не занимает. Еще немного – и я начну подозревать, что Нина Львовна не просто так завела этот разговор.

Я вдруг подумала, что, в сущности, ничего о ней не знаю. Впрочем, так же как и о других своих коллегах, за исключением разве что Юльки. А что я знаю о Юльке? Знаю, как зовут ее парня, знаю, что она мечтает купить джип «Чероки» зеленого цвета, любит шоколадное мороженое и мартини и прочее в том же духе, но все эти сведения не давали ответа на вопрос: как поведет себя Юлька в ситуации, подобной нашей. Смогла бы она, к примеру, сделать пакость, если бы усмотрела в этом для себя выгоду? Вопросами морали она не очень себя утруждала, но все-таки мне не хотелось бы думать о ней плохо. В общем, выходило, что и о Юльке я ничего не знаю наверняка, что же говорить о прочих? Я могу более-менее объективно сказать, каким специалистом является тот или иной мой коллега, а все остальное...

Я взглянула на Нину Львовну и подумала, что в поисках ответа пытаюсь прочесть ее мысли. Если бы это было возможно... А может, наоборот, это благо, за которое мы должны благодарить бога? Что, если бы я точно знала: вот сейчас Нина Львовна думает: «Я хочу, чтобы ты исчезла, растворилась, чтобы тебя не стало, тогда у меня будет шанс получить повышение». Да, неудобно. А читать мысли любимого... «Боже, как ты мне надоела», ведь все мы хоть однажды думаем так даже о самых дорогих нам людях. Стыдимся этих мыслей, прячем их... Если верить Юльке, Нину Львовну в числе кандидатов на повышение не называли. Но сама она вполне может надеяться на повышение. И с этой целью?.. У нее милое лицо. В молодости наверняка была красавицей, да и сейчас мужчины, скорее всего, обращают на нее внимание. У нее должен быть сообщник, парень в черном свитере. Почему парень? Мужчина. Может ли человек с таким лицом, как у нее, хладнокровно убить? А кто может? «Прекращай все это», – с тоской подумала я.

– И все-таки странно, – нахмурилась Нина Львовна. Заплутавшись в своих мыслях, я так и не поняла, что она имеет в виду.

Часов в пять Олег позвонил мне на мобильный.

– Ульяна, я сегодня полдня провел в вашем офисе...

– Я знаю.

– Конечно, знаешь. В общем, никакого парня в свитере никто на этаже не заметил. Но у вас там действительно проходной двор. Свидетелей падения девушки тоже нет, она осталась одна всего на несколько минут, именно тогда все и произошло. Если честно, у меня не возникло ощущения, что кто-то... Я почти уверен, ты беспокоишься напрасно. Но чтобы быть абсолютно уверенным, я сегодня поговорю по поводу этой аварии.

– Спасибо, – сказала я, испытывая неловкость, даже не потому, что прибавила ему хлопот, было обидно думать, что он считает меня истеричкой или особой с чересчур развитым воображением. Одно ничуть не лучше другого.

– Я перезвоню тебе домой, – сказал он, а я опять поблагодарила.

Вернувшись домой, я приготовила ужин. Я боялась выходить из кухни, потому что меня неудержимо тянуло к компьютеру. Салат остался недоеденным. Досадливо отбросив салфетку, я пошла в свой закуток. Послания не было, что меня не удивило, я проверяла почту на работе.

Позвонил Олег.

– Я могу к тебе зайти?

– Можешь.

Он приехал минут через двадцать, я ждала его, нервно вышагивая в узкой прихожей.

Я включила компьютер, открыла почту. Олег смотрел на монитор и молчал. И вдруг я поняла, что он испытывает неловкость. Конечно, в этом обмене посланиями он не видел ничего угрожающего.

– По крайней мере он выражается дипломатично, – вздохнул Олег, переводя взгляд на меня. Он улыбнулся, точно извиняясь. Наверное, и мне, да и ему было бы легче, если б в письме содержалась откровенная угроза. – Знаешь что, постарайся меньше думать об этом. Тебе любой психолог скажет... – Он вдруг придвинул клавиатуру, пальцы привычно задвигались, а я стояла за его спиной и читала. «Пошел к черту, придурок». Он дал команду «отправить» и получил ответ «укажите правильный адрес». Адрес был тот же, просто он более не существовал. – Шутник, – усмехнулся Олег.

– Скорее всего, он не хочет говорить с тобой, – заметила я.

– Со мной? – насторожился он. – По-твоему, он... Прекрати. Это уже не смешно. Ты сама себя запугиваешь.

– Расскажи мне об этой аварии, – сменила я тему.

– Машину заметил таксист. Она обогнала его на сумасшедшей скорости возле универсама. Точно за ней черти гнались, как он выразился. Он свернул в Костерин переулок, забрал пассажира и поехал в сторону цирка. Пассажир ждал его возле подъезда, так что потратил он на дорогу минут пять. За это время все и произошло. Он вызвал милицию и «Скорую», но «Скорая» не понадобилась.

– Никаких других машин он не заметил? – спросила я.

– Машины, конечно, были, но движение в это время не такое оживленное, иначе она просто не смогла бы лететь как угорелая. Но то, что ее никто не преследовал... Ульяна, – вздохнул он. – Она была пьяной, такой пьяной, что вряд ли соображала...

– Да. Ты уже говорил.

Я предложила ему чаю. Обсуждать то, что меня сейчас волновало и мучило, бессмысленно, вести беседу о пустяках выше моих сил. Чай давал возможность избежать разговоров, оставаясь гостеприимной хозяйкой.

Олег пытался меня развлечь, но быстро понял, что это не в его силах. Простился и ушел. А я, до того момента с нетерпением ожидавшая, когда же это наконец произойдет, вдруг испугалась. Было просто невыносимо оставаться в квартире одной. Я переоделась и вышла во двор. Моя машина находилась на стоянке неподалеку от дома. Я подошла к ней, достала ключи и вдруг попятилась, машина выглядела угрожающе. Я не могла понять, что изменилось, но точно знала, что она таит угрозу. Я резко повернулась и направилась к троллейбусной остановке.

Я поехала в кинотеатр, фильм шел тот же, что и в прошлый раз, я смотрела на экран, но не понимала, что там происходит, да и не очень-то меня это волновало. В темном зале я могла расслабиться и думать спокойно. Права я или нет, но Олег тоже в одном, безусловно, прав: я не должна распускаться, впадать в панику. Спокойствие и здравый смысл. Я непременно во всем разберусь.

Я зябко поежилась. В том состоянии, в котором находилась Ольга, она вполне могла прибегнуть к выпивке, чтобы расслабиться. Олег говорит, что машина была исправна и Ольга просто не справилась с управлением из-за большой скорости и замутненного алкоголем рассудка. Вот только что заставило ее сесть за руль в таком состоянии? Или ей было до такой степени все равно?

Фильм внезапно кончился, говорю – внезапно, потому что, по моим представлениям, прошло совсем немного времени. Оказалось – два часа. Я поднялась и пошла к выходу. Площадь возле кинотеатра быстро пустела, я направилась к остановке, но неожиданно передумала и решила прогуляться. Я шла, сунув руки в карманы пальто, слыша стук собственных каблучков по асфальту. Вечер выдался теплым, и я незаметно для себя принялась мечтать. Мечты увлекли меня, я не заметила, как свернула к дому.

И вдруг все изменилось. Я сбилась с шага, потому что почувствовала: кто-то смотрит мне в затылок. Тяжело смотрит, точно готовясь нанести удар. Я резко оглянулась. Улица была пуста. Ни людей, ни машин. За каждым окном люди, много людей, но чувство одиночества навалилось на меня с такой силой, как будто я была одна во всем мире. «Ерунда, – подумала я. – В окнах свет, я могу закричать, и меня услышат, кто-нибудь непременно услышит». «Я на тебя смотрю», – вспомнила я и зябко передернула плечами. Двор тонул в темноте, здесь свет в окнах уже не горел, время позднее, а в доме живут в основном пенсионеры.

Я быстро направилась к подъезду, стараясь думать о чем-то приятном. О чашке чая при свечах, о любимой книге. Но страх не проходил, он вгрызался в меня, леденя спину, и я вдруг поняла его причину: я слышала шаги. Стук моих каблучков и еще чьи-то тяжелые шаги, которые отбивали секунды моей жизни. Одна, две, три... Я бросилась бежать. Уже возле двери решила оглянуться, двор был пуст. Я напряженно вслушивалась в тишину, прижавшись к двери спиной. «Это игра воображения, я сама себя пугаю. Здесь никого нет. Никого». И все-таки я чувствовала взгляд. Он здесь, он просто затаился. Вон там, в кустах. Смотрит на меня.

– Кто здесь? – крикнула я, но крика не получилось. Хрип, шепот. Я попыталась сбросить оцепенение, заставить себя открыть дверь и вдруг шагнула назад. Второй шаг, третий... Я уже возле кустов. Безумие, безумие... что я делаю? С громким мяуканьем из кустов выскочила кошка, я отшатнулась, а потом бросилась бежать, опомнилась, лишь оказавшись на остановке. Вот так сходят с ума. Ольга села в машину, пытаясь убежать. От кого? От самой себя, своих страхов? Я достала платок, вытерла вспотевшее лицо. Я не знаю, как преодолеть темный двор. Я боюсь темноты, а еще больше своих мыслей. Это только мои мысли. Помни, ты сама себя пугаешь. Если ты сейчас не пойдешь домой, ты уже никогда не сможешь туда вернуться. Никогда. Сжавшись в комок, готовая закричать в любую минуту, я вошла во двор. Кошка сидела у подъезда и жалобно мяукала, глядя на дверь. Это неожиданно меня успокоило. Все как обычно, теплый вечер, и я возвращаюсь одна. Я открыла дверь и сказала кошке:

– Заходи.

Она грациозно прыгнула вперед и вдруг яростно зашипела, выгнула спину и бросилась прочь от подъезда. Я растерянно отшатнулась. В подъезде не горел свет. Такое часто случалось, и я успела к этому привыкнуть. Начала подниматься по лестнице, держась за перила, с трудом нащупав их в темноте. На меня нашло странное безразличие, мне казалось, что даже страха во мне не осталось. Я сделала на ощупь еще несколько шагов и остановилась.

– Здесь есть кто-нибудь? – прошептала я. Тишина, потом тихий стук. Раз-два, раз-два. Мне надо добраться до ближайшей квартиры и позвонить. Или закричать. Прямо сейчас. Но я молчала, медленно поднимаясь по лестнице. Свет не горел во всем подъезде, но когда я достигла лестничной клетки, темнота уже не казалась абсолютной, из окна между первым и вторым этажом пробивался свет, нет, не свет, просто само окно казалось светлее. На ходу я достала ключи из сумки, долго не могла попасть в замок. Дверь со скрипом открылась, я уже хотела войти в квартиру, но вдруг повернулась и едва не лишилась чувств. На фоне окна был четко виден силуэт мужчины. Не помню, как я влетела в квартиру, включила свет и заперла дверь. В следующий момент я оказалась перед зеркалом, я видела свое бледное лицо – не лицо, маску ужаса, с перекошенным ртом, безумными глазами. Это я? Неужели это я?

Зазвонил телефон, я испуганно вздрогнула и схватила трубку.

– Ульяна, – услышала я голос Олега, – ты где была? Звоню в пятый раз.

– Я... я его видела, – пробормотала я и тут же пожалела об этом. Придется что-то объяснить, а я не смогу, не сумею.

– Кого видела? – насторожился Олег.

– Не знаю. Мужчину. Он шел за мной. Я слышала его шаги, а потом увидела его в подъезде. Он стоял у окна.

– Он что, напал на тебя? – растерялся Олег.

– Нет. Просто стоял.

– Он вошел вслед за тобой в подъезд?

– Наверное. Нет. Я думаю, он уже был там. Дверь подъезда не хлопнула. Я не слышала, как он поднимался по лестнице, но увидела его возле окна.

– Я сейчас приеду и разберусь с этим типом.

– Вряд ли он еще там. Почему-то его вижу только я. Скажи, я сумасшедшая?

– Не болтай глупостей. Кто-то тебя пугает. И ты знаешь почему. Кто-то хочет занять твое место. Мы этого шутника найдем, вот увидишь.

– Да, конечно. Спокойной ночи. – Мне хотелось побыстрее закончить разговор, потому что я не видела в нем смысла. Олег будет говорить какие-то слова, наверное, правильные, а я буду соглашаться, осознавая их бессмысленность.

– Может, мне все-таки приехать?

– Нет, – отмахнулась я и повесила трубку.

Сняла пальто, не зажигая света в комнате, разобрала постель, легла и натянула одеяло на голову. Свет в прихожей оставила включенным. Я боялась, что не смогу уснуть, но заснула, кажется, мгновенно. В ту ночь мне снился сон, который уже давно не приходил ко мне и который, как мне казалось, я успела забыть. Жаркий летний день, деревенский пруд, стайка ребятшек плещется возле берега. Вон та маленькая девочка – это я. На мне желтые трусики и резиновая шапочка. Она мне очень нравилась, я всегда надевала ее, когда шла купаться, хотя волосы все равно намокали. Я старательно собирала волосы в пучок и натягивала шапочку. Из-за этой шапочки я казалась себе очень взрослой. Может, потому, что у моей двоюродной сестры была точно такая же, а она уже большая девочка. Мальчишки катят к воде камеру, так накачанную воздухом, что она не проминается под руками. Камера падает в воду, брызги разлетаются во все стороны. Дети визжат, отворачиваясь, закрывая лица худенькими загорелыми до черноты руками. Потом залезают на камеру, толкаясь, пихаясь, сбрасывая друг друга, весело визжат. В конце концов их остается четверо – двое мальчишек и две девочки – одна с

косичками, другая в зеленой шапочке. Они садятся поудобнее, свесив ноги, отчаянно колотят ими по воде, камера с детьми все дальше и дальше уплывает от берега. Мне, не той маленькой девочке, а сегодняшней, взрослой, становится горько, потому что я знаю, что будет дальше. Вот спрыгнул один мальчишка, потом второй, они наперегонки плывут к берегу. «А ты плавать не умеешь», – слышу я насмешливый голос девочки с косичками. «Это ты не умеешь». – «Я умею, а ты нет». Я встаю на четвереньки и отважно бросаюсь в воду. Девочка с косичками, не удержавшись, тоже падает в воду, камера от толчка переворачивается и задевает ее по голове, девочка исчезает под водой, но та, другая, в зеленой шапочке, этого не видит. Вытянув шею и отчаянно колотя руками по воде, она плывет к берегу, счастливо крича: «Попробуй догони». Но та, вторая, ее не слышит. Раскинув руки, она медленно опускается на дно. Сквозь зеленоватую воду я вижу ее лицо, ее раскинутые руки, открытый рот. Я хочу крикнуть: «Помогите!», кричу, но меня никто не слышит, невозможно докричаться до прошлого.

Дети, там, на берегу, ничего не замечают, мальчишки спорят, кому плыть за камерой, а девочка в зеленой шапке, довольная, гордая своей победой, бежит по тропинке, размахивая руками: «Не догонишь, не догонишь».

Я проснулась от собственного крика. Вскочила и быстро огляделась. В прихожей горит свет, за окном ночь. Это просто кошмарный сон. Ничего нет. И никогда не было. То есть этот сон снился мне и раньше, теперь я совершенно отчетливо вспомнила. И сам сон, и как я просыпалась с залитым слезами лицом, а мама, обняв меня, шептала: «Не бойся, это тебе приснилось». А сон приходил вновь и вновь. Мама повела меня к врачу. Седые волосы выбивались из-под белой шапочки, женщина казалась мне старой и очень строгой, хотя говорила со мной, ласково улыбаясь. Голос ее звучал тихо, успокаивающе. «Снов не надо бояться, деточка».

Сколько лет мне тогда было? Пять, шесть? Я вдруг очень отчетливо представила лицо утонувшей девочки. Две косы, банты вечно развязываются, и красные ленты болтаются за ее спиной. «Ты – Улька-зверулька», – кричит она, и это кажется мне невероятно обидным, слезы душат, я сжимаю кулаки, крича в ответ: «А ты, а ты...», и ничего не могу придумать. «Ленка-пенка», – наконец озаряет меня, я вытираю слезы, довольная собой. «А тебя зовут, как старенькую бабушку», – кричит она. В ее устах мое имя как оскорбление, и я опять начинаю реветь, потому что Лена звучит совершенно обыкновенно, вызывая у меня страшную зависть к обладательнице этого имени.

– Ее звали Лена, – пробормотала я, нащупав ногами тапочки. Я сидела, опершись ладонями в колени, сердце бешено стучало, я слышала звук своего дыхания, тяжелого, с хрипом, и вдруг точно ветер прошел по комнате, касаясь моих плеч, а меня сковал ужас, я отчетливо ощущала чье-то присутствие, я не могла этого объяснить, но точно знала, что рядом кто-то есть, незримый, но всевидящий. Я сцепила зубы и замерла, боясь, что закричу от ужаса. Я знала, что крик не поможет, зажмурилась, сжалась в комок.

Не помню, сколько я так сидела, небо за окном начало сереть, я смогла глубоко вздохнуть и подняться. Включила свет, убежденная, что это не поможет справиться со страхом, в темноте или при свете, он рядом. Нечто, не поддающееся определению, то, чему не было слова в привычном языке. Может быть, Азazel? Пожалуй, я даже была готова смириться с его присутствием, не это меня сейчас волновало.

Я достала из шкафа альбом со своими детскими фотографиями. Вот мне три года. В то лето мы ездили в Евпаторию. Ботанический сад, кусты роз... опять море. Так, это уже следующий год, мое четырехлетие. Новогодний утренник в детском садике. День рождения двоюродной сестры, мой день рождения, опять утренник. А вот летние фотографии, под ними подпись «Геленджик» и дата. Здесь мне уже шесть лет. Каждое лето мы ездили куда-то отдыхать, и после каждой такой поездки непременно оставались фотографии. Я пролистала альбом до конца. Вот здесь я уже в третьем классе, прекрасно помню эту поездку в Судак. Только на память об одном лете не осталось фотографий, лето, когда мне исполнилось пять лет. Я про-

верила другие альбомы, хотя прекрасно знала, что, если бы какие-то фотографии остались, они были бы в первом альбоме. Моя мама отличалась невероятной аккуратностью, все было разложено по годам и подписано. Я вновь вернулась к первому альбому. Лето, новогодние утренники, день рождения, а вот мы на даче у моей тетки, желтая листва, трехколесный велосипед. Велосипед мне купил папа, когда я пошла в подготовительную группу детского сада, то есть здесь мне уже шесть лет. Выходит, мама все же перепутала фотографии, эти должны быть после Геленджика. Я аккуратно вынула верхнюю. Фотографии явно переставляли местами. А вот и подпись, тщательно зачеркнутая. Три фотографии зачем-то поменяли местами. Или те, что были здесь, убрали, а на их место определили сделанные годом позже?

Я включила настольную лампу, поднесла к ней альбом. Я держала его так, чтобы свет падал снизу на нужную страницу. Двадцать лет назад мама тщательно зачеркнула подпись под фотографиями и даже передвинула фотографии, чтобы скрыть зачеркнутые надписи. Она зачеркнула надпись шариковой ручкой, за это время черная паста заметно поблекла, надпись под ней была сделана синими чернилами, я угадывала контуры букв. «Завидово» – пришло как озарение. Конечно, так называлась деревня, где мы отдыхали. А вот и дата. Все сходится. Это не мой ночной кошмар, я действительно была в этой деревне. Я помню. Зачем-то маме потребовалось убеждать меня в том, что мы там никогда не были. И даже переклеить фотографии в альбоме. Вряд ли фотографии, сделанные в то лето, сохранились, если даже надпись в альбоме она решила зачеркнуть. А если бы сохранились? Что бы я увидела на этих фотографиях? Мне стало трудно дышать. И воспоминания нахлынули одно за другим. Не воспоминания, обрывки воспоминаний, но вполне отчетливые. Вот мы входим с мамой в кабинет врача. Женщина с седыми волосами пристально смотрит, улыбается. Я боюсь врачей, я ненавижу их вопросы, мне хочется кричать и топтать ногами, но мама просит ласково: «Доченька, пожалуйста, доктор с тобой просто поговорит». Что это за доктор?

Я бросилась к стеллажу с книгами, там внизу моя медицинская карта, когда меня переводили из детской поликлиники во взрослую, она каким-то образом оказалась дома и до сих пор лежит невостребованной. На здоровье я никогда не жаловалась. В последние годы не было даже простуды.

Я искала медицинскую карту, боясь, что во время очередной уборки просто выбросила ее. Но нет, она лежала в самом низу под документами на квартиру. Особенно пухлой ее не назовешь, я и в детстве не очень-то болела. Выписка из роддома, прививки, ОРВ в два года, когда меня отправили в ясли. Осмотр врачами перед школой. Опять прививки. В пять лет я ничем не болела, если верить вот этим бумагам. Может, врачи – тоже ночной кошмар? Я облизнула губы и взглянула на часы. Еще слишком рано, чтобы звонить маме.

Мои родители вот уже полтора года жили в Мексике. В последнем нашем разговоре папа намекнул, что, скорее всего, они останутся еще на год. Я позвоню маме и спрошу. О чем? О том, что мне вновь приснился кошмар, который, судя по всему, не давал мне когда-то покоя? Мама мастер задавать вопросы, придется ей как-то все объяснять. Нет, это не годится. Кто еще может знать? Тетя. Конечно, она должна знать, что произошло в то лето. Вот только захочет ли рассказать.

Я вышла на кухню, приготовила кофе. Несмотря на бессонную ночь, спать не хотелось. Страх внезапно покинул меня. Я была полна решимости все узнать. «Все узнать, – повторила я с усмешкой. – Все?»

В девять я была в офисе. Ко мне подошла Нина Львовна.

– Сегодня похороны Людмилы, – сказала почему-то шепотом. – Юрьевич говорит, надо ехать всему отделу. Ты как?

– Конечно, поеду.

– А у меня работы по горло... честно говоря, терпеть не могу похороны.

– Кто-то должен остаться здесь, – пришла я ей на помощь.

Через несколько минут, когда все уже были на своих рабочих местах, Сергей Юрьевич сообщил, что возле дома Людмилы нам надлежит быть в 10.30.

– Сегодня, как вы понимаете, не до работы, но помните, что эту работу за нас никто не сделает, так что...

Когда мы подъехали к дому, где жила Людмила, там уже стоял автобус с музыкантами. Музыканты прошли к подъезду, старательно обходя разбросанный по асфальту лапник. Женщина в черном платке вынесла две табуретки.

– Идем в квартиру? – нерешительно предложил Сергей Юрьевич.

– Я здесь подожду, – покачала я головой, убежденная, что и без нас в квартире сейчас тесно. Однако очень скоро выяснилось, что родни у Людмилы немного. Похоронами распорядилась женщина лет сорока, оказавшаяся ее дальней родственницей. Ей помогали три женщины-соседки. Была еще девушка лет двадцати пяти, подруга Людмилы. Все остальные – досужие зрители.

Гроб вынесли четверо мужчин, как выяснилось, специально нанятые для этой цели. Прощание вышло сухим и очень коротким. Родственница была занята различными приготовлениями, то и дело перешептываясь с соседками: «А водку взяли?» – «Взяли. Три бутылки. И этого за глаза, такие деньги дерут».

Сергей Юрьевич, откашлявшись и чувствуя себя не в своей тарелке, сказал несколько слов. Гроб поставили в машину и поехали на кладбище.

– Я и не знала, что Людмила одинокая, – тихо сказала Зинаида, сидевшая рядом со мной. – Чудно, столько лет вместе работали, а я вообще ничего о ней не знаю...

– Жизнь такая, – с печалью отозвался Андрей за моей спиной. – У всех свои дела, свои проблемы...

На кладбище все произошло еще быстрее. Нетрезвые мужики опустили гроб в могилу и забросали его землей. Меня охватила странная апатия, я разглядывала искусственные розы на венках и думала о том, как это нелепо. Я затруднялась объяснить, что конкретно считаю нелепым, просто чувствовала, что так не должно быть.

– Наверное, нам пора, – наклоняясь ко мне, заметил Сергей Юрьевич, но тут родственница Людмилы схватила его за руку.

– Куда вы? А поминки? Я стол в ресторане заказала. Поедемте. Деньги заплачены.

От этого «деньги заплачены» мне стало вовсе не по себе, но Сергей Юрьевич кивнул, и мы поехали.

Стол в ресторане был уже накрыт, мы оказались одни в зале. Выпили, разговор не клеился, лишь родственница перешептывалась с одной из соседок. Так получилось, что я оказалась рядом с двумя другими соседками Людмилы. Одной было лет шестьдесят, другой чуть меньше. Они с аппетитом ели, не особо обращая внимания на окружающих.

– Вот так, схоронили, – сказала одна из них, ее звали Ирина Петровна. – Недолго пришлось Людмиле одной-то пожить. Не в пользу пошло, значит...

– Ладно тебе, Ирина, в такой день...

– Да я чего... теперь квартира-то Полине достанется?

– А кому еще? Вроде племянник какой-то есть, Володи, отца Людмилы. Да он из тюрьмы не выйдет, может, и вовсе сгинул.

– Значит, Полине? Что ж, повезло, квартира хорошая, больших денег стоит. Не зря она так суетится.

– Перестань, тебе говорят.

– Да я что, я просто к разговору.

Пользуясь тем, что на меня мало кто обращает внимание, я встала из-за стола и вышла на улицу. Накапывал дождь, я стояла под козырьком и ежилась от холода, но возвращаться в зал не спешила. Появилась Ирина Петровна с пачкой сигарет в руке.

– Курите? – спросила она меня.

– Нет.

– А я вот никак с дурной привычкой не расстанусь.

Она закурила, поглядывая на меня с интересом, как будто что-то собиралась сказать и не решалась. Скорее всего, ее мучило обычное любопытство.

– Как же это она упала-то? – наконец спросила она, а я пожалела, что не ушла чуть раньше.

– Никто не видел, – пожала я плечами.

– Ага... поскользнулась, говорят? Чудеса.

– Там перила низкие.

– Ага... может, и поскользнулась, а может, совесть замучила.

– Совесть? – нахмурилась я, но уходить уже не спешила.

– Конечно. Вы, поди, не знаете, что она родную мать голодом уморила.

– Разве такое возможно? – не поверила я.

– По-вашему, я выдумываю? Ничего подобного. Людкина мать парализованная была. И так здоровья кот наплакал, а тут еще обезножела. Сказали, месяца два от силы протянет, а она год пролежала. Конечно, Людке забота. Прибеги, покорми, убери за матерью. А она жениха нашла. Тот, конечно, нос воротит. Запах, видишь ли... Ну, мать в тягость, конечно, Людке стала. Не знаю, сама додумалась или ухажер подсказал, в общем, они ее кормить перестали. Воды дадут, и слава богу.

– Но... если вы знали об этом... это ведь убийство, разве нет?

– Конечно, убийство. Только попробуй докажи, если Таисия Ивановна дочку выгораживает. Зайду к ней вечером, принесу пирог там или еще какого угощения, она ест да все на дверь косится. Я ей и говорю: «Что-то ты похудела. Может, тебе питание усиленное надо?» А она: «У меня все есть, и мясо, и творог, Людочка, доченька, обо всем заботится». Потом я не выдержала и с Людмилой поговорила, но только хуже сделала, она меня больше в квартиру не пускала. Вы, говорит, о нас сплетни распускаете, так и нечего ходить. Я, конечно, врачу сказала, что к Таисии Ивановне ходила, врач ее выпрашивала, но та знай свое: доченька заботится. А сама тает на глазах. Забрали ее в больницу, но уж она и там есть не могла, кормили через трубку. И умерла в три дня. А Людка придумала, что у матери депрессия, жить она, видишь ли, не хотела и сама себя уморила. Вот так. Но на пользу ей это злодейство не пошло, сначала дружок ее сбежал, а теперь вот...

– В милиции считают, что это несчастный случай, – заметила я.

– Много они понимают... – Женщина резко развернулась и скрылась за дверью.

Я, немного выждав, последовала за ней. За столом ощущалась неловкость, всем хотелось уйти, и никто не решался сделать это первым. Беспомощно оглядывались, тянули время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.